U 574/173

V 574/173

Н. КАРѢЕВЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ КУРСЪ ИСТОРІИ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

ПОГАШЕНО

Католицизмъ и феодализмъ въ средніе вѣка. XIV и XV вв., какъ переходъ къ новому времени. Реформаціонный періодъ. Историческое значеніе протестантизма. Развитіе абсолютной монархіи. Просвѣщенный абсолютизмъ. Просвѣщеніе XVIII в. Политическія и общественныя стремленія новаго времени. Экономическія отношенія новаго времени. Особенная важность новѣйшей исторіи Франціи.

5 6/6 84.

ВАРШАВА.
Въ Типографіи Ивана Носковскаго.
Мазовецкая улица № 11.

1881.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Благовѣщенскій.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
4940-64

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая въ сокращеніи на страницахъ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій* это введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени, образовавшееся изъ первыхъ моихъ лекцій, читанныхъ осенью 1880 года, я имѣю въ виду главнымъ образомъ своихъ слушателей, которымъ я желаю дать для руководства эту часть курса вполнѣе готовою. Причины, заставившія меня удѣлить нѣсколько лекцій этому введенію, изложены мною въ „вступленіи." Прибавлю къ сказанному, что на будущее время печатаемое теперь мною введеніе послужитъ, кромѣ того, программой и отчасти конспектомъ для слѣдующаго курса новой исторіи, когда до него дойдетъ очередь. Въ приложеніи я издаю программу новѣйшей исторіи, выполненіе которой составляетъ предметъ моего преподаванія въ 1880/1 академическомъ году. Указанія на литературу предмета въ этой программѣ сдѣланы самыя общія сообразно опять-таки съ потребностями студентовъ, только что приступающихъ къ серьёзному изученію исторіи (*).

Н. Карѣевъ.

(*) Къ отдѣльнымъ оттискамъ эта программа не прилагается.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Господа,—

Въ прошломъ академическомъ году я началъ курсъ новой исторіи, доведенный мною до половины XVII вѣка, когда вестфальскій миръ, заключившій тридцатилѣтнюю войну въ Германіи, и первая революція въ Англіи закончили собою первый періодъ этой исторіи, періодъ религіозной реформаціи, впервые произведенной Лютеромъ, продолженной Кальвиномъ и завершившейся въ разныхъ сектахъ, которыя привели наконецъ къ отрицанію историческаго христіанства, на почвѣ такъ называемаго деизма и естественной религіи. Часть моихъ теперешнихъ слушателей прослѣдила со мною исторію этого великаго движенія въ жизни европейскаго общества отъ самаго его зародыша въ робкихъ попыткахъ реформы церкви, имѣвшихъ мѣсто въ исходѣ среднихъ вѣковъ, до возникновенія того свободомыслія, которое породило ученія польскихъ антитринитаріевъ, англійскихъ деистовъ и французскихъ скептиковъ. Для этой части моихъ слушателей историческій курсъ, къ которому я нынѣ приступаю, собственно говоря, долженъ быть продолженіемъ того курса, который былъ предметомъ ихъ занятія исторіей въ прошломъ году. Но рядомъ съ ними, на тѣхъ же самыхъ скамьяхъ моей аудиторіи заняли мѣсто новые пришельцы, для которыхъ только три мѣсяца тому назадъ аттестатъ зрѣлости открылъ двери университета. Для нихъ мой новый курсъ не можетъ быть продолженіемъ стараго по той простой причинѣ, что они не слыхали послѣдняго. Имѣя такимъ обра-

зомъ передъ собою аудиторію, состоящую изъ двухъ различныхъ частей, я долженъ волею-неволею придать своимъ чтеніямъ такой характеръ, чтобы они составили нѣчто цѣлое, самостоятельное и законченное, какъ старался сдѣлать это и прежде, имѣя слушателей, которые въ нынѣшнемъ году должны были прервать свои историческія занятія подъ моимъ руководствомъ. Такое цѣлое, самостоятельное и законченное и долженъ былъ представить курсъ прошлаго года, цѣликомъ посвященный одной эпохѣ и одному предмету, — эпохѣ, обнимающей собою XVI и первую половину XVII вѣка, главнымъ предметомъ которой является религіозная реформація и вызванныя ею общественныя движенія. Подобнымъ образомъ и теперь я выбралъ для своихъ бесѣдъ такой цѣльный историческій періодъ. Но вы помните, господа старые слушатели, что, приступая къ изложенію собственно событій новаго времени, я вынужденъ былъ сдѣлать обширное введеніе о среднихъ вѣкахъ вообще и въ частности о средневѣковомъ католицизмѣ, чтобы исторія новаго времени для васъ, не слушавшихъ университетскаго курса среднихъ вѣковъ, не была чѣмъ-то отрывочнымъ, произвольно вырваннымъ изъ тѣсно связанныхъ между собою эпохъ, которыя пережила западная Европа съ паденія Римской имперіи до нашихъ дней. Подобное введеніе необходимо сдѣлать мнѣ и для новыхъ, впервые пришедшихъ въ мою аудиторію студентовъ: они также нуждаются въ томъ, чтобы тотъ отдѣлъ, который будетъ предметомъ моихъ лекцій, былъ связанъ съ другими отдѣлами исторіи. Это введеніе, расчитанное такимъ образомъ сообразно съ положеніемъ студентовъ перваго курса, въ то же время не будетъ безполезно для студентовъ втораго: оно будетъ для нихъ бѣглымъ повтореніемъ стараго, напоминаніемъ основной сущности его содержанія, нѣкоторымъ, такъ сказать, *résumé* того, что они уже знаютъ. Но это не все: и для старыхъ слушателей въ этомъ введеніи будетъ нѣчто новое. Вотъ въ чемъ дѣло.

Университетское преподаваніе исторіи существенно разнится отъ гимназическаго. Въ гимназіи вы имѣли учебникъ, который долженъ былъ дать вамъ болѣе или менѣе полное фактическое содержаніе предмета во всемъ его объемѣ. Если бы

профессоръ въ университетѣ захотѣлъ прочесть курсъ по этой программѣ, у него не хватило бы времени, — такъ обширна область нашей науки,—или же ему пришлось бы ограничиться только нѣсколько болѣе подробнымъ повтореніемъ учебника. Нѣкоторое знакомство съ предметомъ, выносимое его слушателями изъ средней школы, даетъ ему возможность поступить иначе: онъ выбираетъ для болѣе обстоятельнаго изложенія какую-либо часть предмета, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на однихъ какихъ-нибудь явленіяхъ, на однихъ какихъ-нибудь странахъ, почему-либо особенно того заслуживающихъ. Это—первое различіе. Второе заключается въ томъ, что задача профессора не одно сообщеніе фактическаго матеріала, но по возможности всестороннее его пониманіе и пріученіе слушателей на одномъ отдѣлѣ исторіи къ научному познанію ими другихъ изъ самостоятельнаго чтенія историческихъ сочиненій: профессоръ имѣетъ въ виду и сообщеніе научнаго метода. Вотъ почему въ университетѣ возможно чтеніе отдѣльныхъ эпохъ съ пропусками другихъ и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою въ дѣйствительности. Студентъ можетъ слушать новую исторію прежде средневѣковой и средневѣковую прежде древней; въ одной и той же исторіи онъ можетъ прослушать изложеніе двухъ эпохъ, между коими находится третья, остающаяся ему знакомой только изъ учебника. Словомъ, это разработка предмета по частямъ, и идеалъ преподаванія, конечно, въ томъ, чтобы всѣ важныя части были подобнымъ образомъ разработаны, насколько позволяютъ это наличный составъ преподавательскаго персонала и удѣленное на преподаваніе количество времени. Съ другой стороны, эта разработка должна быть философская, и если какая-либо часть исторіи по обстоятельствамъ не читается, краткій очеркъ ея необходимо долженъ быть сдѣланъ. Руководимый этими соображеніями и практикой другихъ университетовъ, я въ нынѣшнемъ году намѣреваюсь въ краткомъ очеркѣ представить сначала общую исторію новаго времени, прежде нежели перейду къ самому предмету нашихъ занятій. Этотъ очеркъ и составитъ мое введеніе, которое расчитано не только для новыхъ слушателей, но и для старыхъ.

Я уже сказалъ, что въ прошломъ году я остановился на серединѣ XVII вѣка, заключающей собою реформаціонный періодъ новой исторіи. Бѣглый очеркъ этого періода составитъ первую часть моего введенія, и если бы кто изъ студентовъ перваго курса пожелалъ подробнѣе познакомиться съ этимъ періодомъ, того я отсылаю къ прошлогоднимъ литографированнымъ запискамъ. Другую половину введенія составитъ столь же бѣглый очеркъ втораго отдѣла новой исторіи, обнимающаго собою другую половину XVII вѣка и весь XVIII до 1789 года, когда началась французская революція (*). Я именно на этой эпохѣ не намѣренъ подробно останавливаться въ этомъ году и внѣ введенія буду касаться ея только частичнымъ образомъ, насколько этого потребуетъ существенное содержаніе нашего курса. Эта вторая часть введенія уже не будетъ повтореніемъ, напоминаніемъ, *résumé* стараго и для прошлогоднихъ моихъ слушателей. Тѣмъ изъ васъ вообще, которые желали бы возобновить въ памяти свои гимназическія знанія по этой эпохѣ, дополнить ихъ и мое изложеніе, я совѣтую обратиться для этого къ существующимъ учебникамъ. Препочтительно передъ другими по живости изложенія и по широкимъ обобщеніямъ я рекомендую для этой цѣли третью часть руководства, составленнаго *Шульгинымъ;* затѣмъ могутъ быть взяты курсы *Соловьева* (два выпуска) и *Иловайскаго;* болѣе всего фактическаго матеріала доставитъ вамъ большой учебникъ *Вебера* въ русскомъ переводѣ *Корша* (часть III); наконецъ, большіе отрывки изъ сочиненій по новой исторіи представляютъ изъ себя двѣ историческія христоматіи, изъ которыхъ одна составлена г. *Овсянниковымъ*, а другая *Гуревичемъ.* Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать заранѣе и на тѣ книги, которыя могутъ быть съ пользою читаемы параллельно съ моимъ курсомъ. Такими на первый разъ будутъ, исторія всеобщей литературы XVIII вѣка *Геттнера* (часть 2), исторія французской революціи *Гей-*

(*) Впрочемъ, нѣкоторые отдѣлы исторіи втораго періода изложены были и въ прошломъ году: напр., конецъ католической реакціи въ Польшѣ, вторая англійская революція, начало деизма и т. п.

сера въ переводѣ подъ редакціей теперешняго одесскаго профессора г. *Трачевскаго* и исторія новѣйшаго времени *Лоренца.* Остальная литература предмета будетъ указываема въ свое время.

Такимъ образомъ предметомъ нашихъ занятій въ нынѣшнемъ году будетъ тотъ отдѣлъ новой исторіи, который уже давно принято называть новѣйшей исторіей. Признавая это выдѣленіе, мы должны разсматривать всеобщую исторію, какъ раздѣленную на четыре большіе отдѣла. Первый изъ нихъ, *древняя исторія,* оканчивается съ торжествомъ христіанства въ IV вѣкѣ и паденіемъ Западной Римской имперіи въ V в.: 476 годъ, когда послѣдній западный императоръ Ромулъ Августулъ вынужденъ былъ сложить свою власть, признается годомъ, отдѣляющимъ древнюю исторію отъ *средней,* которая обнимаетъ собою слѣдующее тысячелѣтіе до открытія Америки (1492 г.) и начала реформаціи (1517). XVI, XVII и XVIII вѣка составляютъ изъ себя *новое время,* къ которому съ французской революціи примыкаетъ *новѣйшее.* Это дѣленіе, принятое вообще историками, имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи Европы и главнымъ образомъ западной ея части. Теперешніе европейскіе народы, стоящіе во главѣ цивилизаціи, основались большею частью въ предѣлахъ древней Римской имперіи, унаслѣдовали частью ея языкъ, получили отъ нея свою культуру, заимствовали у нея свою цивилизацію. Поэтому ихъ исторія тѣсно связана съ исторіей классическихъ народовъ, и теперешніе европейцы въ правѣ смотрѣть на исторію послѣднихъ, какъ на начало своей собственной, какъ на свою древнюю исторію. Но древняя исторія европейскихъ народовъ въ прямомъ смыслѣ началась только съ паденіемъ Римской имперіи, когда пришедшія изъ лѣсовъ Германіи новыя націи разрушили эту имперію, заняли ея провинціи, основали въ нихъ свои государства. Античная цивилизація погибла тогда въ морѣ варварства, и цѣлое тысячелѣтіе жили новые народы, пока не стали на тотъ уровень, на которомъ стояли уже классическіе народы,— пока не сдѣлались сами способны продолжать дѣло начатое ими. Этотъ переворотъ совершился къ концу XV вѣка, когда европейцы были снова въ обладаніи всѣмъ богатымъ художествен-

нымъ, литературнымъ, научнымъ и философскимъ наслѣдіемъ классиковъ; только тогда, когда они получили возможность идти далѣе по пути прогресса, вступили они въ свою новую исторію. Естественно было имъ, разсматривая прошлое Грековъ и Римлянъ, какъ свою древнюю исторію, и чувствуя наступленіе новаго времени, взглянуть на дѣйствительно свою древнюю исторію, какъ на нѣчто промежуточное, какъ на нѣчто занимающее середину между древностью и новымъ временемъ, и дать этому промежуточному названіе *средневѣковья, le moyen âge, das Mittelalter.* Поэтому выраженіе это имѣетъ смыслъ только для западноевропейской исторіи: русская исторія дѣлится, напр., на древнюю до Петра Великаго и на новую съ Петра, такъ что новая исторія Россіи начинается двумя столѣтіями позднѣе западной, когда Петръ сталъ заимствовать образованность съ Запада подобно тому, какъ за два вѣка передъ тѣмъ западные народы, входившіе въ составъ средневѣковаго католико-феодальнаго міра, усвоили себѣ образованность античныхъ Грековъ и Римлянъ. Это усвоеніе античной цивилизаціи и самый ростъ общества поколебали культуру, которую выработали себѣ западные европейцы, жившіе тысячу лѣтъ подъ умственнымъ и нравственнымъ руководствомъ католической церкви. Такъ называемое возрожденіе наукъ и искусствъ и религіозная реформація, произвели въ средневѣковомъ обществѣ крупный переворотъ; теченіе исторической жизни вошло въ новое русло; все начало измѣняться, реформироваться; старый міръ былъ какъ-бы сметенъ съ лица земли: наступила новая исторія для западной Европы. Три вѣка шло общество по тому направленію, на которое натолкнулъ его громадный переворотъ, отдѣляющій новое время отъ среднихъ вѣковъ: рухнуло единство католической церкви, сокрушилось ея прежнее нравственное господство, и подъ вліяніемъ этого жизнь пошла быстрѣе, прокладывая себѣ новые пути. Но въ этомъ движеніи обществу пришлось встрѣтиться съ новымъ толчкомъ, испытать новый переворотъ и теченію исторической жизни проложить себѣ новое русло. Этимъ толчкомъ, этимъ переворотомъ была французская революція, съ которой и начинается современная намъ исторія, исторія нашего времени, новѣйшая исторія. Таковы основы

дѣленія, которое прочно установилось въ нашей наукѣ, и которое прежде всего позволяетъ дробить изложеніе нашего предмета на части.

Но, производя такое дробленіе, мы не должны упускать изъ-виду цѣлаго. Позвольте мнѣ привести то, что я говорилъ по этому поводу годъ тому назадъ въ своей вступительной лекціи (*): „Чтобы изученіе исторіи было научно, оно необходимо должно преслѣдовать двѣ задачи, одну общаго свойства, другую частнаго. Каждый историческій фактъ имѣетъ свои причины въ прошломъ, и чѣмъ общѣе, чѣмъ крупнѣе, чѣмъ важнѣе для эпохи какой-либо фактъ, тѣмъ интереснѣе знать его причины въ прошломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить его вліяніе на послѣдующую эпоху: этимъ изучаемый періодъ времени ставится въ необходимую связь съ цѣлымъ, изъ котораго онъ выдѣленъ, и дѣлается возможною философія исторіи эпохи, задача которой отмѣтить ея значеніе въ исторіи. На почвѣ этой общей задачи особенный интересъ получаетъ частная — знакомство съ самой эпохой: каждое время представляетъ изъ себя совокупность одновременныхъ соціальныхъ процессовъ, находящихся между собою во взаимодѣйствіи, и изученіе этого-то взаимодѣйствія, составляющаго дѣйствительную исторію, и есть вторая задача историка.” Другими словами я формулировалъ свою мысль такъ: „изучать фактъ съ его *причинами, обстановкой и слѣдствіями* или что то же — изучать эпоху въ связи съ другими эпохами и ея явленія въ ихъ взаимодѣйствіи.” Первую задачу я и постараюсь выполнить въ своемъ введеніи и частью въ самомъ курсѣ. Понятно, что этому введенію суждено будетъ имѣть характеръ болѣе или менѣе абстрактный: это не будетъ чисто фактическое изложеніе отдѣльныхъ, конкретныхъ событій съ внѣшнею хронологическою связью, это не будетъ конспектомъ историческаго учебника, а объясненіемъ смысла событій, ихъ значенія въ исторіи, я осмѣлился бы сказать *философіей исторіи новаго времени*, если бы возможно было дать это названіе краткому очерку, сдѣланному въ нѣсколько часовъ передъ

(*) Формула прогресса въ изученіи исторіи. Варшава. 1879 г. стр. 10—11.

слушателями, половина которыхъ только-что покинула гимназическую скамью и обладаетъ только самыми элементарными свѣдѣніями. Но слово сказано, и надо его объяснить.

Исторія, какъ наука, въ своемъ развитіи пережила нѣсколько эпохъ. Было время, когда далѣе чисто внѣшняго нанизыванія фактовъ на нить хронологіи не шли, вставляя иногда отъ себя разныя размышленія, большею частью нравоучительнаго свойства. Вы знакомы съ однимъ изъ видовъ такой исторіи: такъ называемая „Лѣтопись Нестора," съ которою вы познакомились въ гимназіи, и *всѣ лѣтописи* вообще представляютъ образчикъ такого бытописанія. Это — простой разсказъ, способный только въ рукахъ человѣка съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ превратиться въ *исторію художественную*, которая можетъ заинтересовать читателя не хуже какого-либо романа. Но это не было послѣднимъ словомъ въ области нашей науки. Важную роль въ наши времена стала играть *исторія политическая*, исторія политическихъ движеній, партій, учрежденій, и *исторія культурная*, исторія вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, общественныхъ отношеній. Предметъ исторіи все болѣе и болѣе расширялся: прежде она почти исключительно занималась государями, законодателями, полководцами, великими людьми и ихъ дѣяніями, не обращая вниманія на массу обыкновенныхъ смертныхъ съ ихъ дѣлами и дѣлишками, съ ихъ желаніями и стремленіями, съ ихъ отношеніемъ ко всему ихъ окружающему. Мало-по-малу исторія захватила въ кругъ своего вѣдѣнія и этихъ людей, начавъ съ изученія жизни образованной части общества и спустившись постепенно до самыхъ низшихъ его слоевъ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялась и задача исторіи: нравоученіе, столь обычное у лѣтописцевъ, стало испаряться, художественное воспроизведеніе отдѣльныхъ эпизодовъ оказалось недостаточнымъ, строгая послѣдовательность фактовъ, какъ причинъ и слѣдствій, одна и сама по себѣ не удовлетворяла многихъ, внѣшнее описаніе учрежденій, нравовъ и обычаевъ оставляло что-то недосказаннымъ. Тогда стали искать естественныхъ законовъ, управляющихъ ходомъ исторіи, такихъ же законовъ, по какимъ совершается движеніе свѣтилъ небесныхъ или какими управляется органическая жизнь, стали доиски-

ваться смысла исторіи, отвѣта на вопросъ, куда идетъ человѣчество, каково общее направленіе его жизни, каково значеніе въ этомъ ходѣ отдѣльныхъ перемѣнъ, съ нимъ случавшихся. Душу этихъ изысканій, создавшихъ *философскую исторію* или *философію исторіи*, составило понятіе прогресса, правда, разными людьми опредѣляемое различнымъ образомъ (*). Мало-по-малу философскій элементъ сталъ сильно проникать въ работы историковъ, и высшимъ идеаломъ историческаго знанія сдѣлалось именно такое пониманіе прошедшихъ судебъ человѣчества. Это—вѣнецъ зданія нашей науки, придающій ей столь громадное значеніе въ умственной жизни нашего времени. Это—почва, на которой всѣ частныя направленія исторіи получаютъ особенный интересъ. Историкъ, который желаетъ связать изучаемую имъ эпоху съ ея прошлымъ, долженъ невольно стать на точку зрѣнія философіи исторіи: онъ такъ или иначе обозрѣваетъ все цѣлое исторіи и въ этомъ цѣломъ ищетъ мѣста для своей эпохи; онъ такъ или иначе сортируетъ явленія этой эпохи и выдѣляетъ тѣ, которымъ принадлежитъ особенно важное значеніе не только по отношенію ко взятому имъ ограниченному періоду времени, но и по отношенію ко всей исторической жизни человѣчества. Вотъ что собственно называется философіей исторіи, и разъ мы представляемъ себѣ жизнь человѣчества, какъ цѣльный процессъ, мы невольно изучаемъ ея отдѣльныя эпохи въ связи съ нимъ. Намъ это и предстоитъ въ настоящее время, насколько, повторяю, дозволяетъ это ваша общенаучная и спеціально-историческая подготовка.

Мы начнемъ съ характеристики средневѣковаго *католико-феодальнаго строя*, который, хотя и былъ разрушенъ силами новой исторіи, но оставилъ все-таки значительные слѣды своего былаго могущества на обществѣ и позднѣйшаго времени. Начало распаденія средневѣковаго соціальнаго быта, которое видѣли *XIV и XV столѣтія*, должно точно также остановить насъ на нѣкоторое время въ среднихъ вѣкахъ, пока мы не поймемъ причинъ его постепеннаго паденія въ новой исторіи. Цѣ-

(*) Мое опредѣленіе см. въ статьѣ „Философія исторіи и теорія прогресса" (*Знаніе*. 1876. N. 2) и въ вышеуказанной брошюрѣ.

лый *реформаціонный періодъ* затѣмъ передъ нами, заставляющій насъ опредѣлить *историческое значеніе протестантизма*, игравшаго столь важную роль въ судьбахъ Европы въ продолженіи всего XVI и части XVII вѣковъ. Далѣе идетъ—и отсюда начинается нѣчто новое и для прошлогоднихъ слушателей—тотъ періодъ, который ознаменованъ *развитіемъ абсолютной монархіи*, пришедшей въ серединѣ XVIII вѣка къ системѣ такъ называемаго *просвѣщеннаго абсолютизма*, совпавшаго по времени и отчасти имѣвшаго одну причину съ *просвѣщеніемъ* XVIII вѣка. Затѣмъ намъ останется бросить взоръ на *политическія и общественныя стремленія и экономическія условія новаго времени* и заключить свое введеніе указаніемъ на *особенную важность новѣйшей исторіи Франціи*. Вотъ программа моихъ ближайшихъ чтеній. Когда заразъ хотятъ охватить окомъ какъ можно больше предметовъ, то подымаются на высоту птичьяго полета, и чѣмъ выше подымаются, тѣмъ все болѣе и болѣе изчезаютъ изъ виду мелкіе предметы, пока наконецъ не останутся видными, какъ на географической картѣ, одни общія очертанія страны и отдѣльные возвышающіеся надо всѣмъ остальнымъ предметы. Намъ тоже предстоитъ взглянуть на три вѣка европейской исторіи *à vol d'oiseau*.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ КУРСЪ
ИСТОРІИ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

I. Католицизмъ и феодализмъ въ средніе вѣка.

Средніе вѣка на Западѣ Европы называютъ католико-феодальными. Такое названіе совершенно вѣрно, если мы исключимъ изъ средневѣковья (476—1492), вопервыхъ, такъ называемую варварскую эпоху, т. е. время, протекшее отъ паденія Западной Римской имперіи до Карла Великаго (768—814), и во вторыхъ, XIV и XV вѣка, характеризующіеся упадкомъ католико-феодальнаго строя и составляющіе переходъ къ новому времени. Впрочемъ, указанное названіе будетъ вѣрно и для всего тысячелѣтія, именуемаго средними вѣками, если мы на варварскую эпоху будемъ смотрѣть, какъ на время, когда подготовлялись, а на XIV и XV вѣка, какъ на эпоху, когда разлагались характерныя особенности средневѣковой исторіи. Дѣйствительно, католицизмъ и феодализмъ были двѣ силы, двигавшія исторію западныхъ народовъ съ IX по XIII столѣтіе включительно. Одна сила была центростремительная, другая — центробѣжная. Католицизмъ объединялъ западноевропейскія націи около одного центра: такимъ центромъ, притягивавшимъ къ себѣ все, былъ Римъ; его епископъ былъ главою церкви, которая господствовала надъ обществомъ и стремилась къ господству надъ государствомъ; его языкъ былъ языкомъ богослуженія, науки, образованности. Съ этой стороны Европа представляла изъ себя какъ-бы одну монархію. Но рядомъ съ ка-

толицизмомъ дѣйствовала другая сила, центробѣжная, раздроблявшая отдѣльныя націи на множество мелкихъ политическихъ организмовъ. Попытка Карла Великаго возстановить Западную Римскую имперію не имѣла успѣха: его монархія была недолговѣчна, и хотя впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ мы слышимъ имя имперіи, но эта имперія была фикціей, призрачнымъ воспроизведеніемъ католической церкви въ области политики, въ дѣйствительности же, существовало то, что мы называемъ теперь феодализмомъ, феодальной системой. Она осуществляла собою полнѣйшую политическую децентрализацію: на мѣстѣ теперешнихъ большихъ государствъ мы видимъ множество герцогствъ, графствъ, бароній, сеньёрій и т. п. не очень крупныхъ и совсѣмъ мелкихъ владѣній, въ которыхъ власть государя смѣшивалась съ властью помѣщика и которыя находились въ іерархическомъ подчиненіи одно у другаго. Единственную политическую связь между ними составляла только эта іерархія, въ силу которой одинъ феодальный владѣлецъ считался вассаломъ другаго; въ остальномъ каждое владѣніе существовало само по себѣ, имѣло своихъ правителей, свои законы, свои преданія, и часто житель одной сеньеріи былъ въ другой иностранцемъ, хотя бы въ обѣихъ сеньеріяхъ говорили на одномъ и томъ же языкѣ и обѣ онѣ входили въ составъ одного, болѣе крупнаго политическаго тѣла.

Эти двѣ силы создали и два совершенно различныя общества, возвышавшіяся надъ массой народа. Общества духовное и свѣтское рѣзко между собою различались, тѣмъ болѣе, что первое стояло почти совершенно внѣ государства: у него была своя особая іерархія, свои особые законы, свои особые суды. Каждое общество жило своими идеалами: феодализмъ создалъ идеалъ воителя, рыцаря, католицизмъ — идеалъ подвижника, монаха. Почти всѣ выдающіеся люди XI, XII и XIII вѣковъ, принадлежатъ къ тому или другому типу: выдвинуться изъ массы, возвыситься надъ обществомъ, импонировать ему могъ только тотъ, кто былъ монахомъ или рыцаремъ. Эта двойственность средневѣковаго идеала нашла отраженіе и въ литературныхъ произведеніяхъ, которыя прославляли либо подвиги духа, либо подвиги силы физической: церковной письменности

житей святыхъ, которыя сотнями и тысячами возникали въ монастыряхъ, соотвѣтствовала свѣтская литература рыцарской поэзіи, пріютившейся въ феодальныхъ замкахъ. По духу эти литературы совсѣмъ непохожи одна на другую: въ то время, какъ монашескія писанія проникнуты воздыханіями по небесному отечеству и презрѣніемъ ко всему земному, рыцарскія пѣсни выше всего ставятъ именно это презрѣнное земное: „будь одна моя нога въ раю, поетъ такой рыцарь, которому чуждъ аскетическій идеалъ монаха, — будь одна моя нога въ раю, а другая въ замкѣ Незиль, я принялъ бы первую ногу, чтобы и ее поставить въ Незилѣ.“ — „Не бери меня въ крестовый походъ, говоритъ другой свѣтскій поэтъ, — я не спѣшу спасаться, ибо я хочу какъ можно позднѣе достигнуть до вѣчной жизни.“ До такой степени доходило противорѣчіе между цѣлями и стремленіями обоихъ обществъ. Не смотря однако на это, они умѣли нетолько уживаться, но даже соединяться. Не вѣчно мерещились феодалу замки и походы: нагрѣшивъ на своемъ вѣку немало, подъ конецъ жизни суровый воитель охотно шелъ въ монастырь или съ пилигримами ѣхалъ въ святую землю каяться во грѣхахъ. Не то рыцарь, нося мечъ и не надѣвая монашескаго платья, иначе служилъ интересамъ церкви: когда, напримѣръ, въ XI вѣкѣ духовенство, желая положить конецъ постояннымъ феодальнымъ дракамъ, или по крайней мѣрѣ ихъ ограничить немного, придумало такъ называемый божій миръ (treuga Dei), по которому всякія войны должны были прекращаться въ дни недѣли, ознаменованные страданіями, смертью и воскресеніемъ Іисуса Христа, многіе феодалы силою своего оружія по приглашенію духовенства поддерживали это установленіе, наказывая нарушителей мира. Съ теченіемъ времени само рыцарство принимаетъ даже религіозный характеръ: посвященіе въ это званіе сопровождалось религіозными церемоніями, напоминавшими посвященіе въ какой-нибудь духовный санъ. Мало того: образовались особые монашеско-рыцарскіе ордена—іоанниты, тампліеры, тевтоны, меченосцы,— члены которыхъ съ обѣтами аскетизма соединяли обѣты воителей съ врагами имени Христова: они сражались съ невѣрными въ Палестинѣ или распространяли мечемъ среди язычъ-

никовъ религію мира и любви. Были, кромѣ того, и такія отдѣльныя личности, которыя своею жизнью, и не принадлежа къ подобнымъ братствамъ, умѣли осуществлять оба средневѣковые идеала: таковъ, напримѣръ, французскій король Людовикъ IX Святой (1226—1270), монахъ и рыцарь на тронѣ. Наконецъ, самое величавое предпріятіе среднихъ вѣковъ, крестовые походы, эта двухвѣковая борьба христіанскаго Запада съ магометанскимъ Востокомъ (1096—1291), были опять-таки результатомъ совокупной дѣятельности двухъ разнородныхъ, но умѣвшихъ соединяться между собою обществъ: феодалы жаждали войны, искали завоеваній, духовенство соединило ихъ силы и направило ихъ на святую землю.

Таково было вліяніе духовенства на феодальное общество: не переставая быть рыцарями, феодалы иногда служили цѣлямъ духовенства. Но съ другой стороны, и церковь не могла не испытать на себѣ вліянія свѣтскаго общества: и въ ней завелись феодальные порядки. Въ средніе вѣка епископъ, аббатъ и т. п. были не просто духовными лицами, у нихъ были свои сеньёріи, они были вассалами другихъ сеньёровъ, сами имѣли вассаловъ и подобно свѣтскимъ лицамъ владѣли крѣпостными людьми. Понятно, что такія духовныя особы должны были и жизнь вести, соотвѣтственную своему общественному положенію: епископы и аббаты участвовали въ пирахъ, попойкахъ, охотахъ, битвахъ, и средневѣковымъ лѣтописцамъ не казалось страннымъ для характеристики какого-нибудь прелата соединять такія взаимно исключающія одно другое понятія, какъ *хорошій воинъ и превосходный пастырь* — bonus miles et optimus pastor. Это вліяніе свѣтскаго, феодальнаго общества на церковное, высшимъ идеаломъ котораго было монашество, сказывалось рѣшительно во всемъ. Такъ тихая обитель иноковъ обносилась крѣпкой стѣною и выглядывала, какъ укрѣпленный замокъ, а жившіе въ этомъ замкѣ монахи въ своемъ пониманіи религіи уходили часто недалеко невѣжественныхъ бароновъ, сидѣвшихъ въ настоящихъ замкахъ. И тѣ, и другіе переносили на небо феодальныя отношенія, изображая рай въ видѣ двора какого-нибудь герцога или разсказывая, подобно одному монаху изъ St. Germain des Près, о турнирѣ между барономъ Іисусомъ

Христомъ и антихристомъ въ присутствіи дамъ, во главѣ которыхъ находилась Св. Дѣва. Иначе и быть не могло: вѣдь въ монахи шли люди изъ этого свѣтскаго общества, грубаго и невѣжественнаго, а они не могли не приносить съ собою его воззрѣній и его привычекъ: въ дѣйствительности духовенство было далеко отъ осуществленія своего аскетическаго идеала.

Создавъ два отдѣльныя общества, которыя однако соединялись и смѣшивались между собою, католицизмъ и феодализмъ выступаютъ на сцену при всѣхъ крупныхъ событіяхъ европейской исторіи. Мы уже видѣли это по отношенію къ крестовымъ походамъ, но эпоха этой грандіозной борьбы Востока и Запада была эпохой, когда на самомъ Западѣ происходила другая борьба, не менѣе долговременная и не менѣе упорная. Это была борьба папской и императорской власти. Съ IX-го вѣка начинается усиленный ростъ папства, въ XI, XII и XIII вѣкахъ оно достигло до самаго верха силы и могущества и стало заявлять самыя смѣлыя притязанія. Папы этого періода, начиная съ Григорія VII (1073 — 1086) и кончая Бонифаціемъ VIII (1294—1303), стремятся подчинить себѣ всѣхъ государей и превратить весь политическій міръ въ одну духовную монархію. Въ извѣстной степени они достигаютъ своихъ политическихъ цѣлей, располагая громадными средствами, имѣя подъ своимъ начальствомъ дисциплинированное духовенство и цѣлыя арміи монаховъ, господствуя надъ совѣстью общества и умѣя находить союзниковъ въ противникахъ своихъ враговъ. Но такимъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ должна была оказать отпоръ свѣтская власть: отсюда-то возгорѣлась эта знаменитая борьба папства и имперіи, игравшая столь важную роль въ исторіи Германіи и Италіи, — борьба, въ которой приняли участіе и другія страны, пока французскій король Филиппъ IV Красивый (1285—1314) не нанесъ жестокаго удара средневѣковому папству перенесеніемъ св. престола изъ Рима въ Авиньонъ (1308). Этотъ вѣковой споръ церкви и государства, разрѣшавшійся на обширной аренѣ общеевропейской исторіи папой и королемъ нѣмецкимъ, бывшимъ императоромъ фиктивной священной римской имперіи,—не могъ не совершаться и въ отдѣльныхъ странахъ: вспомнимъ, наприм., борьбу въ Англіи между Генрихомъ

II и примасомъ королевства, архіепископомъ кентерберійскимъ Ѳомою Бекетомъ, вслѣдствіе желанія перваго и оказаннаго вторымъ сопротивленія подчинить духовенство свѣтскому суду (1170). У средневѣковаго католицизма была цѣлая политическая доктрина, ограничивавшая самостоятельность государства, и государство могло поэтому развиться и окрѣпнуть только въ борьбѣ съ церковью.

Но у государства былъ и другой врагъ, феодализмъ. Если папы присвоивали себѣ право распоряжаться императорскою и королевскими коронами, то феодальные владѣльцы равнымъ образомъ игнорировали самостоятельность власти государей, именуя себя „божіею милостью“ и отказывая имъ въ повиновеніи. Борьба должна была вестись и здѣсь, и ею, дѣйствительно, наполнена политическая исторія западноевропейскихъ странъ. Отъ исхода этой борьбы зависѣло даже то направленіе, которое принимала исторія каждой отдѣльной страны, что оказалось уже къ концу XIII вѣка, когда французскій король, на котораго феодальные владѣльцы смотрѣли сначала, какъ на перваго между равными (primus inter pares), сдѣлался королемъ не по имени только, когда въ Англіи феодальные элементы соединились съ горожанами для образованія парламента (1264), ограничившаго королевскую власть, когда въ Германіи съ паденіемъ въ борьбѣ съ папствомъ династіи Гогенштауфеновъ (1254) не начался процессъ окончательнаго разложенія страны на совершенно независимыя одно отъ другаго владѣнія. Исторія государства въ каждой странѣ зависѣла такимъ образомъ отъ характера и исхода борьбы королевской власти съ враждебными ей силами феодальнаго міра.

Обратимся теперь къ той массѣ, которая жила подъ властью духовнаго и феодальнаго обществъ. Долго была безправна эта масса: самая значительная часть ея, крестьянство, находилась въ крѣпостной зависимости отъ феодальныхъ сеньеровъ, соединявшихъ въ своихъ рукахъ власть помѣщика съ властью государя; горожане были въ положеніи нѣсколько лучшемъ, но и надъ ними тяготѣла рука какого-либо епископа или графа, во владѣніи котораго они жили. Само собою разумѣется, что при первой возможности должны были происходить

возстанія, и въ городахъ возстанія эти были очень успѣшны: города освобождались отъ феодальной зависимости и образовали свободныя общины съ республиканскимъ устройствомъ. Борьба, которая привела къ такому результату, борьба народной массы противъ феодальнаго міра, также играетъ весьма важную роль въ политической исторіи западной Европы: въ лицѣ горожанъ, рядомъ со старыми общественными силами, явилась новая, и отъ характера и образа дѣйствій этой силы стало зависѣть въ извѣстной мѣрѣ направленіе исторіи каждой отдѣльной страны. Во Франціи городскія общины помогли королямъ одолѣть феодальныхъ владѣльцевъ, въ Англіи онѣ соединились съ аристократіей для ограниченія королевской власти. Вошедши въ систему феодальнаго міра, города явились оазисами, въ которыхъ начиналась новая жизнь. Городовая республика была государствомъ, отличнымъ и отъ феодальной сеньеріи, какъ маленькой территоріи, владѣлецъ которой былъ и государь, и помѣщикъ,— и отъ феодальной монархіи, въ которой король былъ лишь primus inter pares: здѣсь установлялось правительство безъ всякаго частно-правоваго характера, здѣсь изчезало раздѣленіе жителей на свободныхъ и крѣпостныхъ. Съ другой стороны, здѣсь же развивается новый общественный типъ. Горожанинъ живетъ не въ монастырской кельѣ, не въ рыцарскомъ замкѣ: онъ дѣлается протестантомъ и противъ монашескаго аскетизма, и противъ варварской грубости рыцаря; онъ получаетъ вкусъ къ образованію, но уже не хочетъ подчиняться въ наукѣ руководительству духовенства.

Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка католицизмъ проникалъ и въ область просвѣщенія. Всѣ сферы человѣческаго творчества служили религіи: средневѣковая архитектура создала особый, готическій стиль, вполнѣ примѣнимый только къ постройкѣ храмовъ; скульптура и живопись украшали готическіе храмы изваяніями и иконами святыхъ или разными символическими изображеніями. Самая обширная литература была духовная, и даже, напр., европейскій театръ зародился въ церковной драмѣ, мистеріи. Свѣтское искусство почти не существовало. То же можно сказать и о наукѣ. Крайніе представители монашескаго идеала даже отрицали науку. Для нихъ она была

дѣломъ грѣховнымъ, ибо удаляла человѣка со святаго пути смиренія и заставляла заниматься мірскими дѣлами. Грѣховна наука, говорили они, и потому, что выдумали ее язычники, и нельзя же одними устами воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру. Наконецъ, развѣ не все выяснено божественнымъ откровеніемъ, чтобы еще чего-то искать? прибавляли они. „Когда же зажигаютъ фонарь, чтобы видѣть солнце?“ спрашиваетъ св. Даміанъ. „Пусть замолчитъ человѣческое чванство, когда заговорило слово божественное!“ восклицаетъ Петръ Достопочтенный. Такого крайняго взгляда церковь однако не могла раздѣлять, для самыхъ первыхъ потребностей своихъ она нуждалась въ нѣкоторомъ просвѣщеніи: Карлъ Великій, желая поднять нравственный уровень духовенства, заботился о школахъ для духовенства; при Людовикѣ Благочестивомъ (814 — 840) эти школы переходятъ совершенно въ руки церкви; позднѣе основываются университеты, въ которыхъ главную роль играютъ факультеты богословскіе, а преподавателями являются духовныя лица. Наука допускается, покровительствуется, но только въ церковныхъ цѣляхъ: она признается, какъ *прислужница богословія,* ancilla theologiae. При такой постановкѣ вопроса о просвѣщеніи, послѣднее естественно и необходимо должно было проникнуться церковнымъ характеромъ. Весь внѣшній міръ, это царство грѣховной чувственности и пустыхъ призраковъ матеріи, считался недостойнымъ никакого вниманія, и изученіе его находилось дѣйствительно въ пренебреженіи. Область науки была такимъ образомъ тѣсно ограничена, но и въ этой ограниченной области міра духовнаго, въ которой вращалась наука, она не была свободна: мысль человѣка не смѣла дѣлать свободныхъ изысканій, ей давались готовыя рѣшенія, извѣстные тезисы, которымъ она должна была подчиняться. Теологія должна была отвращать человѣчество отъ пагубныхъ идей, и въ ея опекѣ философія могла находить единственно вѣрное руководство: цѣлью этой философіи было подкрѣпленіе разумомъ положеній вѣры, результатомъ—схоластика, сдѣлавшаяся въ наше время синонимомъ тупости и сухости въ области мысли. Съ помощью такой системы католицизмъ господствовалъ и надъ человѣческимъ разумомъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ характеръ средневѣковой цивилизаціи, особенно въ XI, XII и XIII вѣкахъ, въ эту эпоху процвѣтанія монашества и рыцарства, схоластической философіи и поэзіи трубадуровъ, покаянія и войны, готическихъ соборовъ и феодальныхъ замковъ, въ эту эпоху борьбы папства и имперіи, феодализма и королевской власти, городскихъ общинъ и феодальнаго міра, въ эту эпоху грандіознаго предпріятія монашеско-рыцарской Европы, которое называется крестовыми походами.

Въ XIV вѣкѣ картина измѣняется: начинается разложеніе феодально-католическаго строя выросшими подъ его кровомъ и вопреки ему новыми элементами, полное господство которыхъ характеризуетъ собою новое время.

II. XIV и XV вѣка, какъ переходъ къ новому времени.

Въ началѣ XIII вѣка, при папѣ Иннокентіи III (1198—1216), католическая церковь была на верху своего могущества; казалось, что Европѣ готовилась судьба азіатской теократіи; начало XIV-го вѣка видѣло первые удары, нанесенные этому могуществу. На папскомъ престолѣ сидѣлъ Бонифацій VIII, не думавшій уступать ни іоты изъ того, что власть римскаго первосвященника пріобрѣла при его знаменитыхъ предшественникахъ. „Мы обязаны вѣровать, писалъ онъ въ своей буллѣ *Unam Sanctam*, въ единую, святую, апостольскую церковь. У единой и единственной церкви одно тѣло, одна глава, а не двѣ, какъ у чудовища, т. е. Христосъ и намѣстникъ Христа Петръ и преемникъ Петра.“ Такимъ образомъ въ мірѣ должно существовать единство власти и такъ какъ духъ выше тѣла, то необходимо, чтобы власть свѣтская подчинялась духовной (temporalem potestatem spirituali subjici potestati), „ибо по свидѣтельству истины, сказано далѣе въ буллѣ, духовная власть должна поставлять свѣтскую и судить ее, если она не хороша.“ Въ заключеніе же объявлялось, что подчиненіе римскому первосвященнику всякой земной твари необходимо для спасенія. При-

тязанія Бонифація VIII встрѣтили отпоръ со стороны Филиппа IV Красиваго, короля французскаго; началась борьба, окончившаяся печально не только для папы, но и для всего папства: оскорбленный однимъ изъ сторонниковъ короля, Бонифацій VIII скоро умеръ, преемникъ его Бенедиктъ XI не сталъ продолжать его политики и примирился съ Филиппомъ IV, а слѣдующій за тѣмъ папа Климентъ V даже перенесъ свою резиденцію во французскій городъ Авиньонъ, гдѣ папы жили послѣ этого цѣлыя 70 лѣтъ (1308—1378), подчиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ политикѣ французскихъ королей и сосредоточивая всѣ помыслы на своихъ свѣтскихъ владѣніяхъ въ Италіи, которымъ грозили сосѣди и въ которыхъ отказывали въ повиновеніи папамъ ихъ же собственные вассалы и подданные. Послѣднимъ изъ первосвященниковъ, спокойно жившихъ въ Авиньонѣ, былъ Григорій XI. По смерти его выбрано было двое папъ, одинъ въ Римѣ, другой въ Авиньонѣ; перваго признали въ Италіи, Германіи, Англіи, Даніи Швеціи, Польшѣ и Пруссіи, втораго—во Франціи, Шотландіи, Савойѣ, Лотарингіи, Кастиліи, Аррагоніи и Наваррѣ. Этотъ расколъ продолжался около сорока лѣтъ, а въ послѣдніе годы передъ его окончаніемъ явилось даже трое папъ, оспаривавшихъ власть другъ у друга. Чтобы положить конецъ такому соблазну и реформировать церковь, вся внутренняя порча которой раскрылась съ особенною ясностью изъ взаимныхъ обличеній римской и авиньонской курій, въ первой половинѣ XV вѣка собирались соборы въ Пизѣ (1409), въ Констанцѣ (1414—1418) и въ Базелѣ (1431—1449), стремившіеся ограничить папскую власть. Хотя великій расколъ былъ прекращенъ на констанцкомъ соборѣ, другая задача этихъ собраній не была разрѣшена: церковь не была реформирована, власть папы не была ограничена и все въ сущности осталось по прежнему. Тѣмъ не менѣе семьдесятъ лѣтъ авиньонскаго плѣна, сорокъ лѣтъ великой схизмы и эпоха соборовъ нанесли сильный ударъ римской куріи: когда папы снова зажили въ Римѣ, на свободѣ, безъ соперниковъ, безъ соборовъ, имъ уже поздно было хлопотать о возвращеніи временъ Григорія VII, Иннокентія III и Бонифація VIII. Притомъ объ этомъ они и не думали больше: на престолѣ св. Петра во второй половинѣ XV и началѣ XVI в.

мы видимъ политиковъ, воителей, покровителей искусствъ и литературы, которые, продолжая традицію авиньонскихъ папъ, являются совершенно свѣтскими государями, заботящимися не столько о своемъ европейскомъ значеніи, сколько о своемъ положеніи среди другихъ государей Италіи.

Въ XIV и XV вв. нарушается и католическое единство. Католицизмъ, сказали мы, былъ великою объединяющею силою: церковь какъ-бы игнорировала существованіе отдѣльныхъ національностей, не допуская въ богослуженіи употребленія народнаго языка и подчиняя церкви отдѣльныхъ странъ одной абсолютной власти центральнаго правительства. Впервые въ XIV вѣкѣ отдѣльныя націи заявляютъ притязаніе на независимость отъ Рима: особенно сильно было такое движеніе въ Чехіи, выставившей національнаго патріота Яна Гуса, котораго сожгли на констанцкомъ соборѣ (1415),—и взявшейся за оружіе, когда движеніе среди послѣдователей Гуса думали подавить силой. Но и самъ констанцкій соборъ признавалъ принципъ народности: всѣ на немъ присутствовавшіе раздѣлялись на пять націй (французы, итальянцы, испанцы, англичане и нѣмцы), и голоса подавались на немъ не поголовно, а каждая нація имѣла одинъ соборный голосъ. Такъ было признано, что въ лонѣ церкви интересы одной націи могутъ противорѣчить интересамъ другой. Мало того: избранный соборомъ на папскій престолъ Мартинъ V на этомъ раздѣленіи націй основалъ свою политику, имѣвшую цѣлью помѣшать осуществленію идеи собора объ ограниченіи его власти: онъ рѣшился сдѣлать различныя уступки каждой націи въ отдѣльности, заключивши съ ними конкордаты, и этимъ избѣжать необходимости уступить въ чемъ бы то ни было собору. Но все это было только первыми признаками времени, ибо настоящая эпоха національзаціи церквей — XVI вѣкъ, когда произошла реформація; дѣло въ томъ, что тогда не только страны, принявшія реформу, освободились отъ власти Рима, устроивъ у себя національныя церкви, но даже въ государствахъ католическихъ была весьма сильна тенденція къ независимости національныхъ церквей отъ римской куріи. Такъ наприм., въ Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ (1548—1572) мысль о „народовомъ костёлѣ“ была въ высшей степени популярна какъ въ свѣтскомъ обществѣ, такъ и среди епископовъ,

То же мы видимъ и въ другой странѣ, оставшейся вѣрною католицизму, во Франціи, гдѣ въ 1682 году соборъ духовенства издалъ знаменитую декларацію, по которой рѣшенія папы даже въ дѣлахъ вѣры обязательны для французовъ только тогда, когда послѣдуетъ на то соизволеніе государственной церкви.

Независимѣе дѣлаются отъ папы въ XIV вѣкѣ и государи: въ предыдущемъ столѣтіи побѣда въ борьбѣ государства съ церковью склонялась еще на сторону духовной власти, теперь государство начинаетъ освобождаться изъ-подъ церковной опеки. Въ 1302 г. Филиппъ IV во время своей борьбы съ Бонифаціемъ VIII созвалъ такъ называемые Генеральные Штаты (états généraux) королевства, т. е. государственные чины Франціи, духовенство, дворянъ и горожанъ, и это собраніе на теоріи Бонифація о значеніи свѣтской власти отвѣтило положеніемъ, что французская корона зависитъ только отъ одного Бога. Въ томъ же XIV в. англійскій парламентъ при Эдуардѣ III (1327—1377) отказался платить Риму особую дань, наложенную на Англію въ знакъ зависимости отъ папы. Подобный протестъ мы видимъ и въ Германіи, гдѣ папы постоянно вмѣшивались въ выборъ короля и особенно часто примѣняли свое право раздавать короны: въ 1338 г. князья нѣмецкіе, съѣхавшіеся на сеймъ въ Рензе, торжественно объявили, что избранное ими въ короли лицо вовсе не нуждается въ утвержденіи со стороны папы. Этимъ открывается эпоха постепеннаго освобожденія государства отъ католической опеки, и если въ XVI в. многіе государи склонились на сторону протестантизма, то желаніе освободиться внутри своихъ владѣній отъ стѣсненій, налагавшихся папскою властью, играло при этомъ непослѣднюю роль.

Замѣтнѣе въ XIV в. сдѣлалось освобожденіе отъ церковнаго авторитета человѣческой мысли. Въ XIV вѣкѣ началось такъ называемое Возрожденіе (Renaissance), т. е. возрожденіе древняго міра въ его языкѣ, литературѣ, идеалахъ. Католико-феодальная Европа среднихъ вѣковъ не была способна чувствовать вкусъ къ античному просвѣщенію: духовенство жило идеями, діаметрально противоположными идеямъ древнихъ грековъ и римлянъ, рыцарю было вообще ни до какихъ идей и ни до какихъ книгъ. Поэтому античная цивилизація совершенно по-

гибла въ волнахъ средневѣковаго аскетизма и варварства, затопившихъ весь Западъ въ эпоху переселенія народовъ. Правда, монахи кое-что почитывали и кое-что переписывали, но еще болѣе многаго они не читали совсѣмъ, а сколько истребили памятниковъ древней образованности, и подумать страшно! Съ другой стороны, и то, что они сохранили, имъ не было понятно. Античный человѣкъ прежде всего былъ гражданинъ и высоко цѣнилъ политическую жизнь, тогда какъ монахъ въ государствѣ видѣлъ царство дьявола и безусловно подчинялъ его церкви; античный человѣкъ былъ пытливый изслѣдователь природы, монахъ видѣлъ, напротивъ, въ окружающемъ мірѣ нѣчто сустное, недостойное вниманія и допускалъ философію только въ качествѣ ancillae theologiae; античный человѣкъ всѣ свои радости полагалъ въ этомъ мірѣ, который для монаха былъ только царствомъ грѣха и юдолью печали: монахъ долженъ былъ бѣжать отъ всего, что привязывало къ этому міру. Вотъ почему возрожденіе древней образованности стало возможнымъ только тогда, когда пошатнулась сила средневѣковаго католицизма и когда жизнь выдвинула свѣтскихъ людей, находившихъ удовольствіе въ занятіяхъ умственныхъ. Такіе люди явились ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, именно на старой, классической почвѣ Италіи съ ея развитою городскою жизнью, съ ея античными преданіями, съ ея близкими отношеніями къ Византіи, и здѣсь-то было положено начало такъ называемому гуманизму. Гуманизмъ вносилъ въ науку новый элементъ: въ средніе вѣка всѣ отрасли знанія были только ступенями, которыя приводили къ познанію богословія, и цѣлью всякаго изученія было слово Божіе; теперь и слово человѣческое,—то, что мы называемъ литературой, — дѣлается самостоятельнымъ предметомъ любознательности. Далѣе, теологія видѣла въ человѣкѣ существо грѣховное, испорченное въ самой своей природѣ, и только этого испорченнаго человѣка считала достойнымъ вниманія, какъ предметъ великаго акта спасенія воплотившимся Богомъ, у гуманистовъ же человѣкъ явился, наоборотъ, существомъ высшимъ, развернувшимъ всѣ свои духовные дары въ чудныхъ произведеніяхъ искусства, поэзіи, философіи античнаго міра. Первымъ открывшимъ этотъ міръ былъ знаменитый итальянскій поэтъ

Петрарка (1304—1374), съ котораго начался цѣлый рядъ гуманистовъ, поклонниковъ древности и порицателей всего средневѣковаго: вѣчно смѣялись они надъ схоластикой и воевали съ монахами, а если и держались церковнаго авторитета, то чисто внѣшнимъ образомъ, по привычкѣ или по разнымъ посторонним соображеніямъ. Были между ними и такіе, которые высказывали идеи далеко некатолическія и высказывали ихъ совершенно открыто: одни были скептики, навлекавшіе на себя подозрѣніе даже въ атеизмѣ, другіе пытались примирить христіанство съ иными религіями, признавая, что вообще non est nisi una religio in rituum varietate.

Какъ бы тамъ ни было, знакомство съ новымъ міромъ должно было внести въ общество новыя понятія, открыть новые идеалы. Изобрѣтеніе книгопечатанія (XV в.) только способствовало утвержденію новой образованности, съ которою впервые общественное мнѣніе могло сдѣлаться силой.

Словомъ, въ XIV столѣтіи средневѣковый католицизмъ началъ терять подъ собою почву: сама церковь была расшатана и нуждалась въ реформѣ, отдѣльныя націи стали стремиться къ самостоятельности, государи все сильнѣе начали заявлять желаніе не имѣть надъ собою посторонней власти, и мысль человѣческая сдѣлала попытку вырваться изъ-подъ вѣчной теологической опеки. Этотъ выходъ, это освобожденіе отъ церковной опеки, эта секуляризація государства, общественной жизни, науки—составляетъ одно изъ основныхъ теченій новой исторіи; вотъ почему на два послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ мы можемъ смотрѣть, какъ въ переходъ къ новому времени.

По отношенію къ другой основѣ средневѣковаго быта, феодализму оба эти вѣка имѣютъ то же значеніе. На развалинахъ феодальнаго міра выростаетъ постепенно новое государство, которое выполнило здѣсь три задачи сообразно съ сущностью феодальной системы — 1) объединило страны, раздробленныя на мелкія владѣнія, 2) отняло государственную власть у помѣщиковъ и, 3) уничтоживъ феодальную іерархію, подчинило всѣхъ непосредственно своей власти. Генеральные штаты, собранные во Франціи Филиппомъ IV, постепенно пріучили смотрѣть на Францію, какъ на нѣчто единое и цѣлое, а во второй половинѣ

XV вѣка Людовикъ XI (1461—1483) уничтожилъ окончательно послѣднія крупныя феодальныя владѣнія. Англія перешла къ государственному быту съ возникновеніемъ парламента, а ея феодальная аристократія погибла чуть не вся къ концу среднихъ вѣковъ въ братоубійственной войнѣ алой и бѣлой розы (1455—1485). Въ Германіи королямъ, гнавшимся вѣчно за призракомъ императорской короны, не удалось установить государственнаго единства для всей націи, но и здѣсь мы видимъ новую политику, результатомъ которой является образованіе австрійской монархіи. Не достигла до государственнаго единства и Италія, но въ ней городовыми республиками ранѣе всего былъ нанесенъ ударъ феодализму, и борьба горожанъ съ баронами окончилась тѣмъ, что послѣдніе вынуждены были вступить въ число гражданъ этихъ республикъ; если даже впослѣдствіи въ городовыхъ общинахъ Италіи установляется княжеская власть, то каждый изъ новыхъ князей *(principi)* болѣе похожъ на государей новаго времени, чѣмъ на любаго феодальнаго владѣльца или главу феодальной монархіи: онъ не помѣщикъ и не членъ феодальной іерархіи, а правитель государства.—Такимъ образомъ вездѣ феодалы изъ самостоятельныхъ владѣтелей все болѣе и болѣе превращаются въ членовъ аристократическаго сословія, но въ то же время горожане становятся независимѣе, богаче, могущественнѣе, а въ нѣкоторыхъ странахъ даже почти совсѣмъ совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (раньше всего въ Англіи). Теперь рыцарству долженъ былъ наступить скорый конецъ: боевая жизнь феодала столкнулась съ промышленною дѣятельностью горожанина, а короли съумѣли притянуть къ своему двору всѣхъ этихъ потомковъ самостоятельныхъ когда-то владѣльцевъ; съ другой стороны, пришлось рыцарству смириться передъ наемной или постоянной пѣхотой, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ: уже трудно сдѣлалось отсиживаться въ своихъ замкахъ, когда ихъ начали громить пушки: изобрѣтеніе пороха (въ XIV в.) играло такимъ образомъ немалую роль въ исторіи борьбы феодализма съ государственною властью. Слѣдовательно, XIV и XV столѣтія видѣли и политическій бытъ средневѣковой Европы уже въ эпоху его разложенія.

Когда монахи и рыцари перестали быть господами, крестовые походы сдѣлались невозможностью. Въ 1291 году было потеряно послѣднее христіанское владѣніе въ Палестинѣ, а между тѣмъ самой Европѣ грозило вторженіе азіатскихъ варваровъ: въ 1240 монголами была завоевана русская земля, въ XIV и XV вв. Турки завоевали балканскій полуостровъ, и подъ ихъ ударами пала Восточная Римская имперія, на тысячу почти лѣтъ пережившн паденіе западной (476—1453). Но время крестовыхъ походовъ прошло: теперь совершаются новыя грандіозныя предпріятія, и лозунгъ ихъ не гробъ господень, а богатая Индія, путь въ которую залегли Турки. Нужно было найти туда новую дорогу моремъ, и она была найдена вокругъ береговъ Африки (1498). Туда же думалъ проѣхать Колумбъ, направляясь все далѣе и далѣе на западъ, но въ своемъ путешествіи наткнулся на совершенно новый свѣтъ—Америку (1492). Съ этого открытія началось какъ бы второе переселеніе народовъ: словно изъ-за новыхъ богатыхъ странъ была забыта древняя святая земля, и все, что не находило себѣ мѣста на родинѣ, стало передвигаться на материкъ западнаго полушарія.

Таково общее значеніе XIV и XV вѣковъ въ исторіи западной Европы. 1492 годомъ удобно заключать средніе вѣка, новую исторію удобнѣе начинать съ 1517 года: въ этомъ году наступаетъ первый ея періодъ—реформаціонный.

III. Реформаціонный періодъ. (1517 — 1648).

Съ 1517 года, когда августинскій монахъ Лютеръ впервые выступилъ противъ католической церкви и тѣмъ приступилъ къ ея реформаціи, вплоть до 1648 года, когда вестфальскій миръ положилъ конецъ религіозному междоусобію, раздиравшему Германію впродолженіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, вся западная Европа переживала такую эпоху въ своей исторіи, когда на первомъ планѣ, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи большинства ея жителей стояло разрѣшеніе вопросовъ религіозныхъ. Въ эти пол-

тора вѣка произошло отторженіе отъ Рима цѣлой половины Европы, возникли новыя церкви—лютеранская, реформатская, англиканская, и стали образовываться многочисленныя секты; возобновлись средневѣковые теологическіе споры, вопросомъ вѣроисповѣднымъ стали осложняться вопросы политики внѣшней и внутренней, произошли изъ-за вѣры страшныя междоусобія и пр. и пр. Причина того, что реформа церкви имѣла столь громадное вліяніе на всю европейскую исторію, несомнѣнно заключается въ томъ громадномъ значеніи, которое имѣлъ католицизмъ въ жизни западнаго общества, представляя изъ себя какъ-бы цѣлую цивилизацію и господствуя во всѣхъ сферахъ духовной и общественной жизни: у католицизма были свои учрежденія, своя іерархія, свои владѣнія; онъ давалъ цѣлую политическую систему, сводившуюся на главенство церкви надъ государствомъ, цѣлую моральную доктрину, проповѣдовавшую спиритуализмъ и умерщвленіе плоти, цѣлое міросозерцаніе, основанное на подчиненіи всякаго знанія богословскимъ тезисамъ. Это была сила, и эта сила безъ боя не могла оставить своего мѣста. Съ другой стороны, поднялось противъ католицизма все, что имъ было придавлено, и все, что не могло найти въ немъ удовлетворенія: завоевать себѣ мѣсто всему этому пришлось, конечно, только послѣ долгой борьбы. Противники искали себѣ посторонникъ союзниковъ, съ ними соединялись другія силы, а это еще больше усложняло явленіе.

Религіозная реформація, начатая Лютеромъ, была дѣйствительно явленіемъ въ высшей степени сложнымъ. Въ XIV и XV вѣкахъ, какъ мы видѣли, величавая система католической церкви, созданная цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ обстоятельствъ и соотвѣтствовавшая внутреннему состоянію европейскаго общества впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, пришла въ разстройство сама и нашла передъ собою измѣнившееся общество: чувствовалась потребность реформы, все больше и больше выростала оппозиція. Но до XVI вѣка реформа оставалась въ области попытокъ, и оппозиція враждебныхъ средневѣковому католицизму силъ не была еще настолько значительна, чтобы пошатнуть все зданіе. Къ началу XVI вѣка общество выросло

изъ тѣхъ рамокъ, которыя налагала на него система, и рамки эти должны были рухнуть.

Прежде всего отдѣльныя націи, находившіяся подъ бо́льшимъ или меньшимъ гнетомъ римской куріи, обнаружили стремленіе выйти изъ-подъ ея опеки. Реформаціонное движеніе въ Германіи, въ которой папская власть хозяйничала, какъ нигдѣ, было движеніемъ національнымъ; реформація въ Англіи началась не съ измѣненія догматовъ и обрядовъ, а съ образованія схизматической англиканской церкви подъ главенствомъ короля, вмѣсто папы; и въ странахъ, оставшихся въ XVI вѣкѣ католическими, было тоже стремленіе къ національной отдѣльности въ лонѣ единой церкви. Какую важную роль игралъ въ реформаціи элементъ національный, хотя бы видно изъ того, что народы романскаго происхожденія остались вообще за Римомъ, тогда какъ протестантизмъ сдѣлался исповѣданіемъ странъ главнымъ образомъ германскихъ.

Свѣтскіе государи давно точно также искали случая освободиться отъ вмѣшательства папской власти во внутреннія дѣла государства, подчинить себѣ духовенство наравнѣ съ другими сословіями и поживиться на счетъ богатыхъ имуществъ церкви: они не могли терпѣть рядомъ съ собою существованія чуждой власти, не могли терпѣть независимыхъ церковныхъ судовъ, не могли терпѣть тѣхъ налоговъ, которые платились ихъ поддан-ными иностранному государю—папѣ. Римъ долженъ былъ идти на уступки, на сдѣлки: такою сдѣлкой былъ, напр., конкордатъ, заключенный въ 1516 г. между французскимъ королемъ Франциском I (1515—1547) и папою Львомъ X (1513—1521), договоръ, которымъ французское духовенство отдавалось подъ власть короля, получившаго право замѣщать всѣ духовныя должности; поэтому Франциску I и не было надобности разрывать свои связи съ Римомъ, когда началась реформація. Подобнымъ образомъ и Баварію сохранили папы за собою, даровавъ ея герцогамъ верховныя права надъ стремившимся къ реформаціи духовенствомъ и доходы съ церковныхъ учрежденій въ подвластной имъ странѣ. Съ другой стороны, многіе государи потому именно и принимали протестантизмъ, что онъ освобождалъ ихъ отъ папы, подчинялъ имъ духовенство и дозволялъ завладѣть

церковными имуществами: такъ, напр., поступилъ въ Швеціи Густавъ Ваза (1523—1560), которому нужны были деньги и который хотѣлъ ослабить силу духовенства, державшаго всегда сторону Даніи (1527).

Совершенно тѣ же стремленія замѣчались у отдѣльныхъ сословій, которыя тяготились преобладаніемъ клира въ обществѣ. Антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ существовалъ въ бо́льшей или меньшей степени во всѣхъ европейскихъ странахъ и немало способствовалъ утвержденію реформаціи. Замѣчательно, наприм., то, что въ эпоху процвѣтанія протестантизма въ Польшѣ при Сигизмундѣ II Августѣ, когда протестанты составляли даже большинство въ посольской избѣ, происходила упорная борьба между духовенствомъ и шляхтой, главнымъ образомъ за церковные суды, уничтоженія которыхъ добивалась и наконецъ добилась шляхта. Не меньшую вражду къ клиру обнаруживали и горожане, которымъ были крайне непріятны разныя привилегіи и поборы духовенства; въ городахъ происходила постоянная борьба между обѣими сторонами, изъ которыхъ каждая пускала въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ нея средства: напр., Франкфуртъ на Одерѣ въ XIV в. 28 лѣтъ находился подъ отлученіемъ за свой споръ съ духовенствомъ, не желавшимъ платить налоговъ. Интересна еще исторія города Вормса: здѣсь въ 1366 году городъ и капитулъ вошли въ сдѣлку, по которой послѣдній далъ свое согласіе на нѣкоторые косвенные налоги; въ 1384 г. споръ возобновился, и горожане опустошили имѣнія духовныхъ, не имѣя другаго средства противъ своихъ непріятелей; духовенство должно было покориться, но споры возникали снова, пока въ 1525 г. Вормсъ не принялъ реформаціи. Большое количество причинъ недовольства служителями церкви существовало и среди крестьянъ, многіе изъ которыхъ были въ прямой зависимости отъ разныхъ духовныхъ лицъ, не говоря уже о томъ, что всѣ платили десятину. Въ Германіи уже до реформаціи происходили бунты крестьянъ, направленные отчасти противъ духовенства, а послѣ выступленія Лютера произошла даже громадная крестьянская война, въ которой возставшіе на знамени своемъ написали между прочимъ требованіе о дозволеніи имъ самимъ выбирать себѣ духовныхъ

пастырей и о лучшемъ употребленіи десятины. Въ религіозный вѣкъ, какимъ былъ XVI, всякое выраженіе недовольства жизнью должно было принять характеръ религіозный, и всѣ „труждающіеся и обремененные“ съ особеннымъ увлеченіемъ искали лучшей жизни въ сектахъ, быстро начавшихъ развиваться въ это время.

Въ оппозиціонное отношеніе къ средневѣковому католицизму стало и новое просвѣщеніе: имъ были задѣты многія основы притязаній церкви. До половины XV вѣка существовала, напримѣръ, какъ у защитниковъ, такъ и у противниковъ папской власти вѣра въ подлинность грамоты, по которой Константинъ Великій, переселяясь въ Византію, передалъ будто бы папѣ Римъ и всю западную имперію. Критика гуманистовъ доказала подложность этого документа, на которомъ папы основывали свои притязанія на верховенство надъ всѣми государствами Запада. Схоластическая философія равнымъ образомъ нашла самыхъ отчаянныхъ враговъ въ лицѣ гуманистовъ, которые въ Германіи съ знаніемъ классической литературы соединяли глубокое богословское образованіе, почерпнутое изъ непосредственнаго знакомства съ самыми источниками христіанскаго вѣроученія, съ св. писаніемъ и твореніями свв. отцовъ. Гуманисты съ богословскимъ образованіемъ не могли не обращать вниманія на злоупотребленія, вкравшіяся въ церковь подъ кровомъ невѣжества, и пытались прокладывать новые пути въ теологіи. Годы, непосредственно предшествовавшіе началу реформаціи въ Германіи, ознаменованы были страшною борьбою между гуманистами и ихъ противниками, обскурантами.

Неудовлетворительно было, мы знаемъ, и самое состояніе церкви. Порча духовенства достигла до необычайныхъ размѣровъ, вѣроученіе срослось съ массой суевѣрій. Паиство потеряло религіозный характеръ, преслѣдуя исключительно мірскія цѣли; монахи далеко не соотвѣтствовали своему аскетическому идеалу. Въ религію проникли грубыя, чувственныя представленія; культъ святыхъ заслонилъ собою Бога; развился полнѣйшій фетишизмъ въ почитаніи разныхъ реликвій; установился чисто формальный взглядъ на грѣхъ, какъ на такое формальное нарушеніе закона, которое можно вознаградить чисто формальнымъ

же дѣйствіемъ: на такомъ взглядѣ основаны были, наприм. индульгенціи, которыми за деньги давалось отпущеніе грѣховъ, Такое паденіе религіи глубоко оскорбляло людей съ развитымъ религіознымъ чувствомъ: они должны были протестовать противъ упадка церкви и стремиться къ обновленію религіозной жизни. Эту роль и взяли на себя реформаторы, Лютеръ (1483—1546), Цвингли (1484—1531), Кальвинъ (1509—1564) и др. которые подняли руку на вѣковое зданіе католической церкви не во имя правъ государства, не во имя инстинктовъ человѣческой природы, осужденныхъ аскетическимъ идеаломъ, не во имя правъ разума, стѣсненнаго богословскимъ авторитетомъ, а во имя оскорбленнаго религіознаго чувства.

Таковы были общія для всей Европы причины реформаціи; только въ разныхъ странахъ онѣ различнымъ образомъ комбинировались между собою и съ обстоятельствами, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Поэтому не вездѣ онѣ были достаточно сильны, чтобы отторгнуть массу народа отъ, католической церкви, равно какъ не вездѣ реформація дала одни и тѣ же результаты.—Во второй половинѣ XVI вѣка вопросъ о томъ, останется ли страна католической или перейдетъ въ протестантизмъ, опредѣлился окончательно: успѣхамъ реформаціи былъ положенъ конецъ католической реакціей. Сначала казалось, что дѣло Рима было проиграно въ конецъ: врагъ засталъ его въ расплохъ; католическій міръ не зналъ, какія средства употребить противъ непріятеля. Но на его сторонѣ было одно важное преимущество: старая церковь была сильна своей организаціей, которая распространялась на всю Европу, и духомъ дисциплины, лежавшимъ въ ея основѣ, тогда какъ протестантизмъ былъ разрозненъ, и даже въ одной и той же странѣ приверженцы различныхъ реформаціонныхъ ученій часто не могли ужиться между собою; въ Польшѣ, напр., протестанты дробились на братьевъ чешскихъ, лютеранъ, кальвинистовъ и антитринитаріевъ. Съ сороковыхъ годовъ XVI в. папство пускаетъ въ ходъ цѣлую систему католической реакціи. Въ 1540 г. учрежденъ былъ орденъ іезуитовъ, задачей котораго было поддержать колеблющееся зданіе церкви, возвратить ей ея былое могущество, закрѣпить связи ея съ тѣми странами, которыя не были еще

увлечены общимъ потокомъ, возвратить кого еще можно въ ея лоно, а вмѣсто безвозвратно утраченныхъ, пріобрѣсти новыхъ чадъ св. престолу; съ этою цѣлью іезуиты должны были перевоспитать общество въ духѣ подчиненія всего и всѣхъ папѣ и своему ордену, и новая папская милиція разсыпалась скоро по всей Европѣ въ качествѣ проповѣдниковъ, духовниковъ, педагоговъ, миссіонеровъ, политическихъ агентовъ. Что успѣла она сдѣлать къ концу перваго столѣтія своего существованія, лучше всего показываетъ судьба Польши: протестантская шляхта массами возвратилась въ лоно старой церкви, духовенство оставило свои мечты о „народовомъ костёлѣ“ и тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, примкнуло къ Риму, и страна, пользовавшаяся широкою религіозною свободою, бывшая убѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ за вѣру въ разныхъ государствахъ Европы, превратилась въ одинъ изъ оплотовъ католицизма, сдѣлалась самою нетерпимою защитницею римскихъ ученій.—Черезъ два года послѣ основанія „общества Іисуса“ Римъ возобновляетъ въ широкихъ размѣрахъ „святую инквизицію,“ положившую весьма быстро конецъ вольномыслію въ Италіи и Испаніи; еще черезъ годъ вводится папами строжайшая цензура книгъ. Всѣ эти мѣры имѣли одну цѣль — задержать всякое движеніе впередъ, возвратить общество въ средніе вѣка. Тѣмъ же характеромъ отличалась дѣятельность собраннаго въ 1545 году тридентскаго собора, который съ перерывами продолжался восемнадцать лѣтъ: здѣсь пересмотрѣно было все католическое вѣроученіе и разрѣшены были всѣ спорные пункты въ духѣ, противоположномъ протестантизму; здѣсь возстановленъ былъ авторитетъ папы, поколебленный либеральными стремленіями соборовъ XV в., и признано было за церковнымъ преданіемъ такое же значеніе, какое имѣетъ священное писаніе; здѣсь, наконецъ, положенъ былъ предѣлъ всѣмъ новшествамъ и церкви придань характеръ неизмѣняемости. Но это еще не все: система, чтобы быть послѣдовательной и тѣмъ вѣрнѣе достичь своей цѣли, должна была требовать деспотизма и въ области политики, ибо въ свободной странѣ естественно и необходимо должна была проявиться свобода религіозная. Между алтаремъ и тропомъ былъ такимъ образомъ заключенъ союзъ, и католицизмъ сдѣлался орудіемъ

политической реакціи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительства стали замѣчать, что протестантизмъ изъ области вѣры легко можетъ перейти и въ область политики. Такъ думали въ XVI вѣкѣ Карлъ V (1520—1555) и Филиппъ II (1555—1598); съ той же точки зрѣнія отнесся къ реформаціи Франциск I; во второй половинѣ XVII вѣка во Франціи политическій абсолютизмъ Людовика XIV (1643—1715) сопровождался католической реакціей, и католическія симпатіи шли рука въ руку съ абсолютистическими тенеенціями послѣдняго Стюарта въ Англіи, Іакова II (1685—1688).

Такъ образовались два враждебные одинъ другому лагеря на западѣ Европы, и борьба между ними охватила всѣ страны. Она велась во Франціи, породивъ здѣсь рядъ религіозныхъ войнъ между католиками и гугенотами (1562—1594); такія же войны произошли и въ Германіи въ XVI и XVII вѣкахъ: шмалькальденская въ серединѣ XVI столѣтія и тридцатилѣтняя въ 1618—1648 годахъ; религіозные интересы затронуты были и въ той войнѣ (1572—1609), которую вели протестантскіе Нидерланды, возставшіе противъ абсолютизма и фанатизма Филиппа II испанскаго и его преемника. Тотъ же Филиппъ II принималъ участіе въ католической реакціи въ Англіи при Маріи Кровавой (1553—1558), въ религіозныхъ войнахъ во Франціи и сдѣлалъ еще одну попытку нанести ударъ протестантизму въ Англіи, для завоеванія которой при королевѣ-протестанткѣ Елизаветѣ (1558—1603) послалъ „непобѣдимую армаду.“ Тридцатилѣтняя война представляетъ такой же примѣръ международной борьбы двухъ исповѣданій: одновременно съ нею возобновилась война католической Испаніи съ протестантской Голландіей; на помощь къ протестантскимъ князьямъ нѣмецкимъ приходили протестантскіе короли Даніи и Швеціи, Англія помогала имъ деньгами, въ то самое время, какъ католикамъ оказывала помощь Испанія, имѣвшая армію по сосѣдству съ Германіей въ оставшейся за нею части Нидерландовъ (въ Бельгіи). Императору въ его борьбѣ съ Чехами въ началѣ этой войны помогалъ и польскій король Сигизмундъ III (1587—1632), и въ свою очередь императоръ оказывалъ католической Польшѣ помощь въ борьбѣ съ лютеранской Швеціей. Польша именно

была увлечена въ общій водоворотъ вотъ по какому случаю. Въ концѣ царствованія Сигизмунда II Августа, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, началась въ ней католическая реакція, вступившая въ борьбу съ протестантами и по вопросу о выборѣ новаго короля по смерти бездѣтнаго Сигизмунда, съ которымъ прекращалась династія Ягеллоновъ на польскомъ престолѣ: и здѣсь стояли одна противъ другой двѣ партіи, изъ которыхъ партія католическая стала быстро одолѣвать протестантскую, что уже выразилось въ избраніи по смерти Сигизмунда Августа французскаго принца Генриха Анжуйскаго. Въ лицѣ Сигизмунда III Вазы іезуитская реакція нашла наконецъ своего настоящаго короля, который поставилъ себѣ болѣе широкую задачу, нежели водвореніе правовѣрія въ одной только Рѣчи Посполитой: по смерти своего отца, шведскаго короля, Сигизмундъ сдѣлался самъ королемъ шведскимъ, его планомъ было искоренить реформацію и въ Швеціи. Тогда Шведы возвели на свой престолъ дядю Сигизмундова Карла XI (1600—1611), отца знаменитаго героя тридцатилѣтней войны Густава Адольфа (1611—1632), и вотъ между обѣими сосѣдними странами вспыхнула война, имѣвшая такимъ образомъ связь съ общей борьбой католицизма съ протестантизмомъ. Но тотъ же Густавъ Адольфъ воевалъ за дѣло протестантовъ и въ Германіи: побѣда императора и католиковъ усилила бы Польшу, бывшую въ союзѣ съ Австріей, а это усиленіе Рѣчи Посполитой, въ которой происходила тогда страшнѣйшая реакція, было опасно для независимости и протестантской религіи Швеціи, что отчасти и побудило Густава Адольфа вмѣшаться въ тридцатилѣтнюю войну.

Нечего говорить, что во всѣхъ указанныхъ раздѣленіяхъ партій, внутреннихъ междоусобіяхъ и внѣшнихъ войнахъ игралъ важную роль не одинъ вопросъ религіозный; несомнѣнно однако то, что онъ примѣшивался ко всѣмъ другимъ вопросамъ, если не былъ самъ, такъ сказать, ихъ средоточіемъ. Вестфальскій миръ, окончившій тридцатилѣтнюю войну, положилъ конецъ и религіознымъ войнамъ на западѣ Европы вообще. Европа вышла изъ этого періода раздѣленною въ религіозномъ отношеніи на двѣ большія половины, и каждая послѣ этого оставалась при своемъ: новыхъ религіозныхъ движеній, которыя могли бы за-

ставить цѣлую страну перемѣнить вѣру, болѣе не было; протестантизмъ за небольшими исключеніями застылъ въ своихъ формахъ; религіозные вопросы, которые стали играть столь важную роль въ европейской исторіи съ 1517 года, отошли на задній планъ,—реформаціонный періодъ окончился.

IV. Историческое значеніе протестантизма.

Средніе вѣка были временемъ безраздѣльнаго господства католицизма во всѣхъ сферахъ жизни, въ XIV и XV вѣкахъ начинается освобожденіе государства, общественной и частной жизни, философіи и науки отъ церковной опеки, иначе ихъ секуляризація, въ которой немаловажную роль игралъ, какъ мы видѣли, гуманизмъ съ своимъ свѣтскимъ направленіемъ. Религіозная реформація XVI вѣка, разрушая средневѣковой католицизмъ, была однако явленіемъ по самому существу своему религіознымъ: реформаторы вовсе не думали объ освобожденіи кого бы то ни было отъ теологической опеки, ихъ цѣлью было очищеніе, преобразованіе церкви, они только замѣнили старый, ложный, по ихъ мнѣнію, авторитетъ новымъ, истиннымъ, но имѣвшимъ ту же теологическую основу. Поэтому и въ протестантскихъ странахъ со временемъ потребовалась новая секуляризація: и въ нихъ духовенство стремилось руководить политикой государства, держать въ извѣстныхъ рамкахъ жизнь общественную и частную и подчинять свободу мысли извѣстнымъ тезисамъ. Съ этой стороны реформація была такимъ образомъ только перемѣной одного церковнаго авторитета на другой.

Отринуты были протестантами авторитеты папы и соборовъ, схоластической философіи и преданія, и за единственный источникъ вѣры признано было св. писаніе. На основаніи св. писанія производилась ими и реформа церкви, оставляли ли они, какъ Лютеръ, неприкосновеннымъ въ религіи все, чего прямо не запрещало слово божіе, или какъ Кальвинъ, уничтожали въ ней все, чего именно нѣтъ въ евангеліи. Какъ однако ни отличались отъ католицизма новыя протестантскія церкви и секты по своимъ богословскимъ теоріямъ, по своей организаціи, по

своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, онѣ, сами того не сознавая, наслѣдовали духъ средневѣковаго католицизма. Пусть, напр., кальвинизмъ стоялъ въ самой рѣзкой оппозиціи къ старой церкви, называя ее не иначе, какъ блудницей, и отождествляя ея ученіе съ служеніемъ Ваалу, — въ немъ самомъ жилъ тотъ же духъ, который составлялъ силу средневѣковаго католицизма. Если римская церковь считала себя „единою спасающею“ и казнила еретиковъ, то и Кальвинъ не допускалъ спасенія внѣ своей церкви и не задумался изъ-за богословскаго разногласія съ собою сжечь, какъ еретика, на медленномъ огнѣ несчастнаго Михаила Серве; если католическая церковь стремилась къ господству надъ государствомъ, то и Кальвинъ ставилъ въ теоріи свѣтскій элементъ подъ контроль духовнаго, требуя, чтобы государство было проникнуто церковною дисциплиною, а на практикѣ превратилъ Женеву въ какую-то теократію, въ родѣ той, которую устроилъ было во Флоренціи католическій монахъ Савонарола; если, далѣе, католицизмъ требовалъ подчиненія разума вѣрѣ, то и для Кальвина „невѣжество вѣрующаго было лучше дерзкаго знанія;“ если, наконецъ, средневѣковая церковь проповѣдовала аскетизмъ и презрѣніе къ жизни, то и для „женевскаго папы“ удовольствія и наслажденія жизни представляли ихъ себя нѣчто опасное, въ чемъ испорченная природа человѣка непремѣнно впадетъ въ грѣхъ: Кальвинъ какъ-бы повторяетъ собою любаго средневѣковаго аскета и, когда отворяетъ двери монастырей, то не для того, чтобы освободить оттуда монаховъ, но какъ бы для того, чтобы загнать туда все человѣчество. Такимъ образомъ кальвинизмъ является нѣкоторымъ сколкомъ съ католицизма съ его абсолютистическими стремленіями, какъ церкви единой спасающей, какъ системы, подчинявшей себѣ свѣтское общество, индивидуальную жизнь его членовъ и человѣческій разумъ. Въ извѣстной степени то же можно сказать и о другихъ протестантскихъ церквахъ. Если, напр., Лютеръ и поставилъ церковь въ зависимость отъ государства, то это еще не значитъ, что онъ освобождалъ послѣднее отъ церковнаго вліянія, да и вообще лютеранскіе пасторы нерѣдко высказывали тенденцію къ направленію по своему усмотрѣнію внутренней политики государствъ. Если, далѣе, Лютеръ отрицалъ мона-

шество, то только какъ учрежденіе, относящееся къ внѣшней обрядности, а отнюдь не за лежащій въ основѣ его спиритуализмъ, который, наоборотъ, находилъ въ немъ скорѣе защитника. Если, наконецъ, реформа Лютера имѣла исходный пунктъ въ признаніи каждымъ права понимать и толковать по-своему священное писаніе, то этимъ еще далеко не была признана независимость человѣческаго разума: совсѣмъ наоборотъ, Лютеръ прямо и категорически заявлялъ, что „разумъ — блудница дьявола," что „разумъ ничего не понимаетъ о Богѣ," что „нужно его убить:" „нужно закрыть глаза, замкнуть уши, всѣ чувства и вѣрить,"—вотъ формула Лютера, не отличающая его въ этомъ отношеніи отъ средневѣковыхъ католиковъ. Что касается до терпимости лютеранской церкви, то извѣстно, что уже самъ Лютеръ отличался крайнею нетерпимостью къ тѣмъ, которые были съ нимъ несогласны: онъ отвергъ, напр., братски протянутую ему руку Цвингли за то, что этотъ имѣлъ свой особый взглядъ на таинство причащенія. Разсматриваемая съ этой стороны реформація, слѣдовательно, была какъ-бы подновленіемъ средневѣковаго католицизма, и въ Германіи, напр., послѣ тридцатилѣтней войны, протестантское духовенство съумѣло создать такую же душную умственную атмосферу, которая была въ пору самымъ мрачнымъ временемъ средневѣковья. Еще съ бо́льшимъ правомъ можно сказать то же самое о протестантской Шотландіи въ XVII в.

Вотъ почему мы можемъ обнаружить нѣкоторый антагонизмъ между обоими великими культурными явленіями, отдѣляющими новое время отъ среднихъ вѣковъ, между Возрожденіемъ и реформаціей. Дѣйствительно, гдѣ сильно было первое, тамъ вторая не имѣла мѣста, и наоборотъ, гдѣ утвердился и безраздѣльно началъ дѣйствовать протестантизмъ, тамъ гуманизмъ долженъ былъ прекратить свое существованіе: одно мы видимъ, наприм., въ Италіи, родинѣ и главномъ театрѣ Возрожденія, другое—въ Германіи, гдѣ гуманистическому направленію, представителемъ котораго былъ Эразмъ Роттердамскій (1467—1536), былъ положенъ конецъ начавшейся здѣсь вскорѣ реформаціей. Такъ и должно было быть, ибо одного хотѣли реформаторы, а совершенно другаго хотѣли гуманисты: цѣлью дѣятельности первыхъ было очистить церковь возвращеніемъ ея

къ ученію и жизни первобытнаго христіанства, цѣлью вторыхъ—освободить общество, жизнь, науку отъ господства средневѣковыхъ традицій посредствомъ возвращенія къ образованности древняго міра. Если прежде была вѣковая борьба между тѣмъ античнымъ міромъ, въ который уходили всѣми своими помыслами гуманисты, и тою первобытною церковью, которая была идеаломъ реформаторовъ, то не могло, разумѣется, быть и теперь никакого прочнаго союза между протестантизмомъ и гуманизмомъ. Они соединялись только временно, когда имѣли общихъ враговъ въ обскурантахъ-монахахъ и пока не были еще выяснены основныя идеи и конечные результаты каждаго изъ этихъ двухъ движеній. Дѣло въ томъ, что въ основѣ гуманизма лежалъ раціонализмъ, признаніе человѣческаго разума за верховный авторитетъ, которое въ концѣ концовъ порождало скептическое отношеніе ко всему, что не можетъ быть доказано разумомъ, тогда какъ реформаціонное движеніе при всей своей враждебности къ старому порядку вещей сохраняло его сущность, видоизмѣняя лишь однѣ его формы.

Было бы однако ошибочно, остановившись на этой мысли, положить ее въ основу нашего взгляда на культурное значеніе протестантизма. Пускай нѣмецкое лютеранство и шотландскій кальвинизмъ XVII в. служатъ лучшей иллюстраціей общаго положенія, что протестантскія церкви унаслѣдовали отъ католическаго клира духъ властолюбія и теологической исключительности: протестантизмъ не всегда и не вездѣ приводилъ къ такимъ реакціоннымъ явленіямъ, ибо и въ немъ самомъ была прогрессивная сторона, а кромѣ того, окружавшіе его факторы прогресса нерѣдко увлекали его за собою и дѣлали изъ него орудіе движенія впередъ. Реформація была въ сущности явленіемъ двойственнымъ: будучи попыткой возстановить одно тъ его первоначальной чистотѣ, ко многому другому изъ стараго она становилась въ оппозиціонное отношеніе и во многихъ случаяхъ замѣняла старое совершенно новымъ. При всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что по тому, къ чему главнымъ образомъ стремились реформаторы, нельзя судить о томъ, чего ждали отъ реформаціи пошедшія за ними массы: у послѣднихъ невѣдомо для нихъ самихъ церковные вопросы нерѣдко совершенно сту-

шевывались передъ вопросами общественной жизни, а потому опредѣлять историческое значеніе реформаціи по тому направленію, которое приняла дѣятельность Лютера, Кальвина и т. п., было бы въ высшей степени ошибочно, тѣмъ болѣе, что реформаторы и послѣдовавшія за ними массы съ теченіемъ времени на самомъ дѣлѣ стали расходиться въ разныя стороны. Въ этомъ смыслѣ великое религіозное движеніе XVI вѣка было какъ-бы толчкомъ, породившимъ другія общественныя движенія. Едва только начался споръ Лютера съ защитниками средневѣковыхъ суевѣрій и злоупотребленій, какъ чуткимъ ухомъ стали прислушиваться къ нему нѣмецкіе гуманисты, надѣявшіеся нѣкоторое время, что возстаніе Лютера противъ церковнаго авторитета принесетъ ихъ дѣлу великую пользу. Большія надежды возлагали на реформацію и имперскіе рыцари, взявшіеся даже за оружіе, чтобы пересоздать на новыхъ началахъ средневѣковую священную римскую имперію. Съ реформаціей тѣсно связана была въ Германіи и крестьянская война, главнымъ лозунгомъ которой были уничтоженіе крѣпостничества и перестройка общественныхъ отношеній. Въ нѣмецкой Швейцаріи самъ реформаторъ Цвингли замыслилъ произвести цѣлый политическій переворотъ, результатомъ котораго могло бы быть только народное благо. Созданная другимъ швейцарскимъ реформаторомъ Кальвиномъ твердыня протестантизма въ Женевѣ сдѣлалась не только убѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ, но и главнымъ разсадникомъ агитаторовъ для другихъ странъ Европы, а идеи кальвинизма, перенесенныя изъ области церковной въ сферу политической жизни, въ свою очередь не могли не породить новыхъ народныхъ движеній, тѣмъ болѣе, что кальвиновское ученіе вырабатывало въ человѣкѣ какой-то стоицизмъ, какое-то фаталистическое безстрашіе, какую-то ничѣмъ непреодолимую вѣру въ свое призваніе и въ успѣхъ своего дѣла. Политическая свобода нашла ярыхъ защитниковъ въ лицѣ наиболѣе характерныхъ представителей женевскаго протестантизма: въ Голландіи они сражались противъ фанатизма и абсолютизма Филиппа II; въ Англіи они защищали старую конституцію страны и политическую свободу отъ деспотической политики Стюартовъ: англійская революція 40-хъ годовъ XVII в. была на половину по-

литической, на половину религіозной, и исторія ея можетъ быть понятна только въ связи съ исторіей реформаціи. Наконецъ, изъ лагеря же протестантовъ выходили такіе люди, какъ Готманъ, Ланге, Ла-Боэси (въ XVI в.) во Франціи и Генри Вейнъ, Мильтонъ (въ XVII в.) въ Англіи, люди, сдѣлавшіе изъ идеи свободы предметъ часто одушевленныхъ и краснорѣчивыхъ политическихъ трактатовъ.

Въ этомъ отношеніи необходимо особенно отличать лютеранизмъ отъ кальвинизма. Первая форма протестантизма осталась вѣрна характеру своего родоначальника, проповѣдовавшаго одну свободу внутреннюю и требовавшаго безусловнаго повиновенія властямъ: „Вѣра освобождаетъ вѣрующаго въ томъ смыслѣ, говорилъ Лютеръ,—что онъ дѣлается свободнымъ отъ рабства внѣшнихъ дѣлъ.“ Требуя отъ христіанина терпѣнія, какъ главной добродѣтели, Лютеръ совѣтовалъ государямъ управлять съ помощью силы, говоря, что Богъ далъ имъ въ руки не лисій хвостъ, а мечъ, который притомъ долженъ быть всегда въ крови. Извѣстно, что нѣмецкіе князья оказывали Лютеру свое покровительство, и что лютеранская церковь стала отличаться особенно-монархическимъ характеромъ, а подпавъ подъ управленіе разныхъ бюрократическихъ консисторій, перестала даже быть живымъ дѣломъ народа и утратила поэтому свою прогрессивную силу. Въ еще бо́льшей степени можно сказать это о церкви англиканской: обязанная своимъ происхожденіемъ королевскому своеволію, она всегда являлась защитницей крайнихъ притязаній власти въ Англіи. Инымъ характеромъ отличался кальвинизмъ съ своимъ свободнымъ церковнымъ устройствомъ и со своими демократическими тенденціями въ области политики: къ нему отнеслись нетерпимо не только католическіе, но и многіе протестантскіе правители; за то онъ дѣлался исповѣданіемъ всѣхъ людей свободолюбивыхъ, и его, напр., почти исключительно принимала польская шляхта, среди которой сравнительно было очень мало лютеранъ. Вотъ почему протестантизмъ весьма часто служилъ дѣлу политической свободы. Многое, правда, зависѣло здѣсь отъ обстоятельствъ и нерѣдко католики, бывшіе въ подданствѣ протестантскихъ государей, выставляли сами демократическіе принципы, но въ общемъ протестан-

тизмъ по самой своей идеѣ былъ скорѣе проповѣдью свободы, тогда какъ католицизмъ былъ всегда воплощеніемъ принципа авторитета. Само возстаніе Лютера противъ внѣшняго авторитета церкви во имя внутренняго голоса совѣсти представляло изъ себя въ самомъ своемъ началѣ возстаніе за свободу, и если реформаторы впослѣдствіи изъ гонимыхъ сами дѣлались нерѣдко гонителями, то это было не логическимъ слѣдствіемъ ихъ основнаго принципа, а напротивъ вопіющимъ ему противорѣчіемъ. Лютеръ во вторую половину своей дѣятельности и все истинное протестантское духовенство представляютъ изъ себя продолженіе стараго порядка вещей; истинными наслѣдниками того Лютера, который на Вормскомъ сеймѣ (1521) торжественно защищалъ права своей совѣсти и внутреннюю независимость своей вѣры отъ кого бы то ни было, который заявлялъ передъ цѣлымъ міромъ, что есть въ человѣкѣ такая сторона, надъ коей никто не властенъ,—истинными наслѣдниками этого Лютера были тѣ передовые протестанты, которые рядомъ съ принципомъ свободы политической выдвинули принципъ свободы совѣсти, свободы мысли, свободы слова. Польша въ XVI в., когда въ ней процвѣталъ протестантизмъ, Голландія, по освобожденіи своемъ отъ испанскаго владычества, Англія послѣ окончательной побѣды парламента и протестантизма надъ реакціонными стремленіями Стюартовъ, были именно такими странами, въ которыхъ осуществилась религіозная свобода. Испанія, Италія, Польша, когда послѣдняя подпала подъ власть іезуитской реакціи, сдѣлались, наоборотъ, странами, изгонявшими съ инов'ріемъ и свободу мысли, а съ этимъ обрекавшими себя на вѣчное косненіе, пока слѣдовали такому направленію.

Вотъ еще одна сторона дѣла. Мы видѣли, что реформаторы оставляли однако человѣческій разумъ въ извѣстномъ подчиненіи отъ авторитета; но разъ ими былъ отвергнутъ авторитетъ церковнаго преданія, которое во многомъ такъ или иначе объясняло и дополняло св. писаніе, пришлось имъ же самимъ прибѣгнуть къ помощи разума, когда оказывалась надобность въ установленіи правильнаго пониманія св. писанія. Это обстоятельство дозволило передовому протестантизму сдѣлаться прогрессирующимъ и съ каждымъ шагомъ его поступательнаго

движенія все болѣе и болѣе заставляло признавать права человѣческаго разума: послѣдніе представители протестантскаго принципа, свободные мыслители и деисты въ Англіи, равно какъ идеалисты и метафизическіе философы въ Германіи прошлаго вѣка служатъ такимъ образомъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ передовую мысль XVI в. съ передовою мыслью нашего времени. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи протестантизмъ, приведшій въ разныхъ сектахъ къ представленію о разумѣ, какъ о внутреннемъ откровеніи Божества и чрезъ то способствовавшій освобожденію разума отъ внѣшняго авторитета, — при благопріятныхъ условіяхъ игралъ ту же культурную роль, какъ и гуманизмъ, хотя и приводилъ къ эманципаціи мысли болѣе окольнымъ путемъ. Не забудемъ, впрочемъ, что и гуманисты долго рабствовали передъ авторитетомъ древнихъ.

Не нужно, наконецъ, забывать еще одной стороны въ историческомъ значеніи протестантизма, именно той, которою онъ содѣйствовалъ просвѣщенію массъ. Въ средніе вѣка духовенство, къ которому обыкновенно принадлежало и ученое сословіе,—представляло изъ себя какую-то замкнутую касту, и просвѣщеніе, носителемъ коего оно было, имѣло характеръ аристократическій, будучи доступно только знавшимъ латинскій языкъ, языкъ церкви и образованныхъ людей. Реформація уничтожила въ протестантскихъ странахъ кастическое устройство духовенства, сравнявъ ихъ передъ государственною властью со всѣмъ остальными гражданами, но въ то же время она должна была уничтожить и привилегированное положеніе латинскаго языка, призвавъ къ жизни въ письменности языки народные. Вводя богослуженіе на родномъ языкѣ каждой страны, давая въ руки народа библію, требуя отъ каждаго вѣрующаго не механическаго исполненія внѣшнихъ обрядовъ, а внутренняго пониманія религіи, имѣя постоянно надобность обращаться не въ какой-либо маленькой кучкѣ, а къ цѣлымъ массамъ, протестантизмъ долженъ былъ содѣйствовать развитію національныхъ литературъ и положить начало народному образованію въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Правда, однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ необходимости распространять образованіе въ народѣ на понятномъ ему языкѣ былъ еще Данте

(1265—1321), одинъ изъ родоначальниковъ Возрожденія, но гуманисты забыли эту истину ради изящества цицероновской латыни, и только протестантизмъ такимъ образомъ явился здѣсь продолжателемъ идеи Возрожденія.

Таково въ общихъ чертахъ историческое значеніе протестантизма, не говоря объ экономическихъ послѣдствіяхъ отъ уничтоженія церковнаго землевладѣнія, монашества, безбрачія духовенства, многочисленныгъ праздниковъ и постовъ. Общее вліяніе этой стороны дѣла такъ велико, что разница въ цивилизаціи странъ, оставшихся вѣрными католицизму (Испаніи, Италіи и т. д.) и перешедшихъ въ протестантизмъ (Англіи, Голландіи и др.), сама собою бросалась въ глаза многимъ историкамъ, напрашиваясь на весьма выгодныя для протестантизма сравненія.

V. Развитіе абсолютной монархіи (1648 — 1789).

Реформаціонный періодъ новой исторіи кончается въ половинѣ XVII в., и слѣдующіе затѣмъ полтора столѣтія характеризуются, какъ эпоха абсолютной монархіи. Какъ протестантизмъ былъ главнымъ факторомъ, разложившимъ католическую основу средневѣковаго общества, такъ абсолютная монархія новаго времени является главною силою, сокрушившею феодальный строй среднихъ вѣковъ.

Уже было сказано нами, что одновременно съ паденіемъ католицизма началось паденіе и другой культурной основы среднихъ вѣковъ—феодализма. Отъ потерь, которыя терпѣли церковьи феодальные владѣтели, выигрывало государство: оно мало-помалу освободилось отъ преобладанія первой и съумѣло подчинить себѣ послѣднихъ.—Въ реформаціонную эпоху государственное начало сдѣлало большіе успѣхи, благодаря освобожденію цѣлыхъ странъ отъ посторонней власти папы и подчиненію духовенства исключительно одной верховной власти каждой отдѣльной страны, не упоминая уже о томъ, что отобраніе церковныхъ имуществъ значительно обогащало казну, гдѣ только имѣ-

ло мѣсто: таково было значеніе реформаціи для нѣмецкихъ княжествъ, для Швеціи, для Даніи, для Англіи. Но и въ католическихъ странахъ мы видимъ подобное же усиленіе государственнаго начала на счетъ церкви: во Франціи болонскій конкордатъ (1516 г.) подчинилъ духовенство верховной власти государства, въ Испаніи церковь немало помогала королямъ въ усиленіи государственнаго начала во время общей борьбы съ инов*ѣ*ріемъ.

Средніе вѣка не знали государства въ тѣсномъ значеніи этого слова; теперь на развалинахъ средневѣковаго быта выростаетъ и съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ все окружающее новая сила — государство. Оно заводитъ постоянныя арміи, которыя ему служатъ; оно для своихъ потребностей налагаетъ на народъ постоянныя подати; оно стремится поставить подъ свой законъ и заставить служить своимъ интересамъ всѣ классы общества; оно направляетъ по своему усмотрѣнію экономическую жизнь и интеллектуальную дѣятельность народа; оно, наконецъ, ставитъ само себя цѣлью всякой человѣческой дѣятельности, видя въ отдѣльныхъ особяхъ и группахъ особей только свои служебные члены. Въ древности идею о такомъ государствѣ мы находимъ у Платона, въ новое время съ подобнымъ же ученіемъ выступилъ англійскій философъ Гоббзъ (1588—1679), для котораго государство является громаднымъ организмомъ, большимъ животнымъ, всепоглощающимъ Левіаѳаномъ. Понятно, что государство не могло никогда достигнуть въ дѣйствительности полнаго поглощенія въ себѣ всѣхъ силъ общества, тѣмъ не менѣе усилившись въ реформаціонную эпоху, начало это сдѣлалось на самомъ дѣлѣ преобладающимъ факторомъ соціальной жизни въ слѣдующіе за вестфальскимъ миромъ полтора вѣка. Вторая половина XVII столѣтія и почти все XVIII до начала великой революціи поэтому справедливо характеризуются, какъ время абсолютной монархіи, съ одной стороны, и какъ эпоха, въ которую вопросы церковные отступили на задній планъ передъ вопросами политическими, съ другой.

Мы говоримъ безразлично *государственное начало* и *абсолютная монархія* потому, что хотя первое и можетъ проявляться

въ различныхъ формахъ, однако въ дѣйствительной исторіи бо́льшей части Европы выходило такъ, что параллельно съ развитіемъ государственности шло усиленіе монархической власти не только на счетъ мѣстныхъ и сословныхъ привилегій, но и на счетъ народнаго представительства, существовавшаго во всѣхъ почти государствахъ средневѣковой Европы. При общемъ разложеніи средневѣковаго строя одна только королевская власть продолжала стоять прочно, и естественно ей было удобнѣе всего завладѣть тѣмъ началомъ, во имя котораго она сама существовала. Съ другой стороны, при указанномъ разложеніи средневѣковаго феодальнаго общества представительныя учрежденія теряли подъ собою почву, на которой выросли,—и прежде, чѣмъ успѣли приспособиться къ новымъ отношеніямъ, королевская власть устранила ихъ, какъ излишнія. Дѣйствительно, немногія страны Европы сохранили у себя представительныя учрежденія. Такъ испанскіе *кортесы*, надломленные при Фердинандѣ Арагонскомъ (1479—1516), были окончательно сломлены его внукомъ Карломъ I (Карломъ V по Германіи), сынъ котораго Филиппъ II установилъ въ Испаніи формальный деспотизмъ, опиравшійся на инквизицію. Во Франціи уже Францискъ I обнаруживалъ абсолютистическія стремленія, не желая ни съ кѣмъ дѣлиться своею властью, а съ 1614 г. по 1789 г. въ ней ни разу даже не собирались ея *генеральные штаты*, такъ что продолженіе всего разсматриваемаго нами періода и Франція была лишена своего средневѣковаго представительнаго учрежденія. Въ Германіи во время тридцатилѣтней войны князья привыкли облагать народъ податями безъ согласія *земскихъ чиновъ*, а по окончаніи ея не хотѣли, конечно, выпускать изъ своихъ рукъ новаго пріобрѣтенія, тѣмъ болѣе, что могли подавить всякое сопротивленіе, удержавъ и на мирное время постоянныя арміи бурной военной эпохи. Въ Даніи королевская власть воспользовалась раздоромъ сословій, чтобы при помощи военной силы ниспровергнуть старую конституцію и замѣнить ее неограниченной монархіей (1660). Къ тому же стремился и того же достигъ въ Швеціи Карлъ XI (1660—1697), и если въ началѣ XVIII в. здѣсь установилось олигархическое правленіе, то въ 1772 году Густавъ III (1771—1792) не задумался прибѣгнуть къ государ-

ственному перевороту, чтобы расширить свою власть. Въ Англіи при Тюдорахъ (1485—1603) *парламентъ* не пользовался большимъ значеніемъ, а въ XVII вѣкѣ долженъ былъ отстаивать свое существованіе отъ деспотизма династіи Стюартовъ, успѣхъ которыхъ, конечно, и Англію привелъ бы въ положеніе континентальныхъ государствъ.

Образцомъ для подражанія всѣмъ почти государствамъ Европы въ началѣ этого періода сдѣлалась Франція. Два человѣка наиболѣе содѣйствовали этому: кардиналъ Ришелье, министръ Людовика XIII (1610—1643), и Людовикъ XIV, царствованіе котораго обнимаетъ цѣлыя три четверти столѣтія (1643—1715). Первый изъ нихъ былъ, такъ сказать, носителемъ идеи государственности, другой — олицетвореніемъ королевскаго абсолютизма. Разсмотримъ каждаго въ отдѣльности съ этой точки зрѣнія. Передъ непреклонною волею Ришелье, этого министра-государственника, должно было склониться все, и все должно было подъ его руководствомъ совершаться къ вящей пользѣ государства. Кардиналъ заслонялся въ немъ министромъ: въ тридцатилѣтней войнѣ онъ держалъ сторону протестантовъ, а если внутри Франціи и воевалъ съ своими собственными протестантами, такъ называемыми гугенотами, то только потому, что по нантскому эдикту (1598), которымъ Генрихъ IV (1589—1610) даровалъ имъ свободу вѣроисповѣданія, они получили и особыя политическія права, дѣлавшія изъ нихъ нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ: побѣдивъ гугенотовъ, Ришелье отнялъ у нихъ эти особыя политическія права, но не коснулся ихъ религіозной свободы (1629). Понятно, что такой человѣкъ долженъ былъ высоко держать знамя государства противъ притязаній церкви и не могъ допустить независимости феодальной аристократіи. Власть, по его мнѣнію, должна была быть единой, нераздѣльной, централизованной, и все въ государствѣ могло имѣть для него лишь служебное значеніе. Ришелье почти весь въ слѣдующихъ строкахъ своего *Политическаго Завѣщанія:* „Для правительства прежде всего необходимо *безусловное повиновеніе* всѣхъ.... Нужно, чтобы *государственная цѣль* всегда во всякомъ случаѣ стояла впереди всѣхъ другихъ соображеній. Общественные интересы должны быть единственною цѣлью

государей и ихъ совѣтниковъ.... Обязанность христіанина забывать личныя оскорбленія, обязанность правительства — никогда *не забывать оскорбленій, наносимыхъ государству*. Государи обязаны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться папамъ, но не должны позволять имъ *вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія*.... Надобно охранять имѣнія дворянства и облегчать ему пріобрѣтеніе новыхъ, чтобы оно могло *служить государству* на войнѣ. Это — его главная обязанность, ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть *роскошь и бремя для государства* и не заслуживаетъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ горожанъ.... Народъ долженъ быть *содержимъ въ покорности*; подати служатъ къ тому, чтобы ему *не было слишкомъ хорошо*, чтобъ онъ не перешелъ границъ своихъ обязанностей.... Науки служатъ однимъ изъ *величайшихъ украшеній для государства* и обойтись безъ нихъ нельзя; но понятно, что ихъ нельзя преподавать каждому безъ различія: иначе государство будетъ похоже на безобразное тѣло, которое во всѣхъ частямъ своихъ будетъ имѣть глаза. Усиленное занятіе науками *повредитъ торговлѣ, обогащающей государства*, и земледѣлію, питающему народы, произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ *приличнѣе грубое невѣжество*, чѣмъ тонкость знанія." Гоббзъ, создавшій цѣлую теорію поглощенія всѣхъ и всего государствомъ, не могъ бы высказаться опредѣленнѣе. Такой взглядъ на государство, будучи приложенъ къ хозяйственной жизни народовъ, породилъ цѣлое направленіе политической экономіи, извѣстное подъ именемъ *меркантилизма* или *кольбертизма* (по имени министра Людовика XIV Кольбера): на первомъ планѣ ставило оно интересы казны, а не населенія страны, выгоды государства, а не отдѣльныхъ личностей. Девизомъ его было: *какъ можно болѣе денегъ*, основнымъ правиломъ самое мелочное вмѣшательство власти въ частную предпріимчивость и покровительство промышленности и торговлѣ нерѣдко во вредъ земледѣлію. „Для нашихъ париковъ нужна пудра, иронизировалъ Руссо надъ меркантилистами,—вотъ почему у бѣдныхъ нѣтъ хлѣба." Оно и должно было быть такъ, когда государство, нуждавшееся въ деньгахъ, протянуло руку капиталу и ради помощи со стороны капиталистовъ готово было ломать

существующій экономическій строй и налагать на народъ новыя тягости. Развитіе меркантилизма и развитіе государственности шли всегда рука объ руку, и величайшіе представители государственнаго начала въ новое время были и послѣдователями указываемой экономической системы: и тамъ, и здѣсь на первомъ планѣ стояло государство, какъ цѣлое, какъ особый организмъ, какъ нѣчто самодовлѣющее.

Другимъ характернымъ явленіемъ нашего періода было то, что это цѣлое короли нерѣдко отождествляли съ своею особою. Образцомъ такого отождествленія былъ именно Людовикъ XIV, унаслѣдовавшій отъ Ришелье его политическую систему, чтобы заставить ее служить своему *я*. „L'état—c'est moi, государство—это я" — было формулой, въ которой самъ Людовикъ XIV выразилъ свой политическій взглядъ. Вся Франція, дѣйствительно, сосредоточивалась при немъ въ особѣ своего короля: король, отвѣтственный лишь передъ Богомъ, былъ единственнымъ источникомъ закона, центромъ всей правительственной машины, хозяиномъ достоянія своихъ подданныхъ; ему одному принадлежали слава и величіе государства. Генеральные штаты не собирались болѣе; высшее судебное мѣсто (парламентъ) лишалось своей привилегіи; выборныя городскія должности отнимались; духовенство должно было подчиняться королю; свѣтская аристократія феодальнаго происхожденія притягивалась ко двору и, не имѣя никакого политическаго значенія, пресмыкалась въ передняхъ Версаля; народныя деньги шли на королевскія затѣи и на громадныя для того времени арміи, которыя завоевывали королю новыя земли; болѣе милліона гугенотовъ выселялось по капризу Людовика, уничтожившаго подъ старость нантскій эдиктъ ради спасенія своей души (1685); наука, литература, искусства, существовали словно только для того, чтобы украшать тронъ и прославлять царствованіе великаго монарха, и независимой мысли не допускалось тамъ, гдѣ свободой пользовался только одинъ король. Но система Людовика XIV не ограничивалась въ своемъ примѣненіи одной Франціей: и самъ онъ помышлялъ о томъ, чтобы навязать ее всей Европѣ, и европейскіе государи ему подражали. Прежде всего такому государю мало было одной Франціи: его планомъ было расши-

рить предѣлы своего королевства до Рейна и Альпъ, подчинить своему вліянію Италію и Германію, распространить на всю Европу свои монархическія начала, доставить новыя земли своей династіи. Подобныя намѣренія встрѣтили, конечно, отпоръ со стороны европейскихъ государствъ: не съ одною коалиціей сосѣднихъ и даже болѣе отдаленныхъ странъ пришлось бороться Людовику XIV съ 1665 г., когда начались его войны, по 1713 г., когда эти войны окончились. Одною изъ первыхъ противницъ французскаго короля была протестантская и республиканская Голландія, штатгальтеръ которой Вильгельмъ Оранскій, потомокъ Вильгельма Оранскаго, основателя нидерландской свободы въ борьбѣ съ Филиппомъ II, — сдѣлался въ 1689 г. королемъ Англіи на мѣсто союзника Франціи Іакова II Стюарта (1685—1688), посягнувшаго на вѣру и конституцію страны и за то лишившагося престола. Въ борьбѣ Людовика XIV, короля божіею милостію, съ Вильгельмомъ III (1689—1702), королемъ по волѣ народа, мы видимъ такимъ образомъ продолженіе старой борьбы католическаго абсолютизма съ протестантской свободой, и вторая англійская революція не только спасла старую свободу Англіи, но и доставила коалиціи, образовавшейся противъ Людовика XIV, важнаго союзника, который въ противномъ случаѣ шелъ бы на буксирѣ Франціи. Не должно однако думать, что династическія войны Людовика XIV были явленіемъ исключительнымъ: династическія притязанія и соперничества были и до него и послѣ него причинами многихъ войнъ, каковы войны итальянскія (1492—1515), соперническія между Карломъ V и Францискомъ I (1515—1544), перешедшія вмѣ слѣдствіи въ вѣковую вражду Габсбурговъ и Бурбоновъ, которая объясняетъ и выступленіе Франціи на защиту протестантовъ въ тридцатилѣтней войнѣ. Къ той же категоріи относятся войны за наслѣдства испанское (1701—1714), польское (1733—1735), австрійское (1741—1748), баварское (1778—1779).

Если такимъ образомъ Людовику XIV не удалось силой оружія доставить себѣ преобладаніе въ Европѣ, то его внутренняя политика нашла многочисленныхъ подражателей: не даромъ время его носитъ названіе вѣка Людовика XIV. Абсолютистическая политика послѣднихъ Стюартовъ въ Англіи вдохновля-

лась французскимъ королемъ. Мелкіе германскіе владѣтели послѣ тридцатилѣтней войны обезьянничали съ Людовика XIV, заводя у себя его деспотическую систему и копируя его безумную роскошь. Армія французская также сталъ образцомъ для подражанія. Французскій языкъ сдѣлался языкомъ международныхъ сношеній и дипломатіи. Тяжелою цѣною покупался однако весь внѣшній блескъ системы французскаго короля: введеніе ея сопровождалось наложеніемъ тяжелаго податнаго бремени на народъ, измѣненіями въ экономической политикѣ, невыгодными для большинства населенія, матеріальнымъ разоренiемъ массъ и задержкой умственнаго развитія, стѣсняемаго деспотической и реакціонной внутренней политикой въ отношеніи всѣхъ проявленій общественной жизни.

Освобождала ли, по крайней мѣрѣ, эта система народъ отъ вредныхъ для него остатковъ средневѣковаго феодализма? Другими словами, весь-ли феодализмъ палъ цѣликомъ подъ бременемъ абсолютной монархіи?

Прежде всего необходимо различить въ феодализмѣ двѣ стороны—политическую и соціальную, изъ коихъ первою онъ уничтожалъ права государства и стоялъ поперекъ на пути развитія королевской власти, а другою угнеталъ массу народа и препятствовалъ ея благосостоянію. Къ политическимъ правамъ феодальныхъ владѣтелей въ средніе вѣка относились права издавать законы въ своихъ земляхъ, имѣть свой судъ, налагать своею властью подати на народъ, чеканить монету, вести войны; соціальная сторона феодализма выражалась въ крѣпостномъ состояніи крестьянъ, въ зависимости всѣхъ земель отъ помѣщиковъ, въ существованіи разныхъ дворянскихъ привилегій. Разсматривая борьбу государственнаго принципа съ феодализмомъ, мы замѣчаемъ, что главные удары перваго падали на политическую сторону послѣдняго, и что королевская власть, уничтожая феодализмъ въ политическомъ отношеніи, т. е. тамъ, гдѣ онъ мѣшалъ свободѣ ея дѣйствій, оставляла его неприкосновеннымъ въ сферѣ гражданскихъ отношеній, поскольку существованіе его въ этой сферѣ не противорѣчило государственному принципу и полнотѣ королевской власти. Мало того: съ точки зрѣнія государственныхъ людей, подобныхъ Ришелье или прус-

скому королю Фридриху Великому (1740—1786), сами привилегіи отдѣльныхъ классовъ были необходимы для цѣлей государства, которое поэтому должно было ихъ защищать и охранять, лишь бы дворянство, напр., несло службу за свои привилегіи и за свое господство надъ крестьянами. Притомъ во многихъ странахъ сама королевская власть была феодальнаго происхожденія, и короли долго помнили свое родство съ феодальной аристократіей. Недаромъ первый бурбонскій король Генрихъ IV называлъ себя „первымъ дворяниномъ королевства," завѣщавъ сознаніе это и своему потомству; недаромъ и послѣдній король этой династіи Карлъ X (1824—1830), еще будучи графомъ д'Артуа, говорилъ французскому дворянству наканунѣ революціи, что онъ докажетъ всему свѣту, насколько онъ былъ достоенъ родиться французскимъ дворяниномъ. Естественно, что Бурбоны при такомъ пониманіи своихъ отношеній къ феодальной аристократіи должны были смотрѣть на свою власть, какъ на привилегію своей фамиліи, какъ на собственность, которая зиждется на тѣхъ же основахъ, на какихъ покоились всѣ права феодальныхъ сеньёровъ, всѣ привилегіи аристократическихъ фамилій: можно-ли было въ такомъ случаѣ наносить ударъ послѣднимъ, не подрывая основъ своей собственной власти? Въ проведеніи подобной системы французскіе короли дѣйствовали неизолированно: и въ другихъ странахъ борьба противъ политическихъ привилегій аристократіи сопровождалась часто покровительствомъ привилегіямъ соціальнымъ.

Итакъ, благодаря феодальному характеру королевской власти, государство XVII и XVIII в. не освободило окончательно массы отъ феодальной зависимости и оставило за дворянами и духовенствомъ тягостныя для народа привилегіи; нуждаясь все въ большемъ и большемъ количествѣ денегъ, оно видѣло въ народѣ только податную массу, существующую лишь для служенія государству; находя выгоду для развитія національнаго могущества и богатства въ поощреніи крупной промышленности и торговли, оно нерѣдко приносило трудъ въ жертву капиталу и содѣйствовало образованію новой денежной аристократіи (за которою позднѣе утвердилось названіе буржуазіи); ставя себя выше всего и стремясь господствовать надъ всѣмъ, оно подавляло

всякую свободную дѣятельность населенія, регулируя своею властью всѣ проявленія этой дѣятельности, и преслѣдовало всякую независимость сужденія, требуя безусловной вѣры въ себя и безусловной къ себѣ покорности. Когда такою силою заправляло лицо, подобное Людовику XIV, недалеко было до восточной деспотіи. Но этой силой въ XVIII в. сдѣлало попытку овладѣть *просвѣщеніе* и направить ее на новые пути.

VI. Просвѣщенный абсолютизмъ

Однимъ изъ видныхъ представителей государственнаго начала въ серединѣ XVIII в. былъ прусскій король Фридрихъ II Великій (1740—1786), давшій названіе своему времени—„вѣкъ Фридриха II.“ Эта эпоха, ознаменованная въ исторіи Пруссіи реформами короля-философа, носитъ еще названіе эпохи просвѣщеннаго абсолютизма по тѣмъ реформамъ, которыя были произведены абсолютною государственною властью въ разныхъ странахъ Европы. Такими же дѣятелями реформы, какимъ былъ въ Пруссіи Фридрихъ II, были Екатерина II (1762—1796) въ Россіи, Іосифъ II (1765—1790, въ австрійскихъ земляхъ съ 1780) въ Германіи и Австріи, Леопольдъ, братъ Іосифа II, впослѣдствіи императоръ (1790—1792), въ Тосканѣ, Помбаль, министръ короля Іосифа I въ Португаліи (1750—1777), Тануччи въ Неаполѣ при Фердинандѣ VI (съ 1759 г.), Аранда (1763—1773) при Карлѣ III въ Испаніи (1756 — 1788), Струэнзе (1769—1772) при Христіанѣ VII въ Даніи (1766—1807), наконецъ Густавъ III (1771—1792) въ Швеціи. Въ реформахъ, произведенныхъ этими государями и ихъ министрами, мы должны отличать двѣ стороны: это было, съ одной стороны, завершеніе развитія государственнаго начала, сбрасывавшаго феодальныя формы и стремившагося къ секуляризаціи, съ другой стороны, это было исполненіе требованій просвѣщенія вѣка, въ лицѣ Вольтера возлагавшаго надежду на монарховъ, какъ на людей, которые установятъ вѣротерпимость, поднимутъ уровень образованія, внесутъ въ общество идею гуманности и сдѣлаются

вообще воспитателями своихъ подданныхъ. Объ эти стороны мы можемъ обнаружить и въ реформахъ, произведенныхъ во Франціи великой революціей, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднія были полнѣе и вотъ почему именно. Вопервыхъ, просвѣщенный абсолютизмъ, докапчивая начатую раньше борьбу съ феодализмомъ, уничтожалъ бо́льшею частью только тѣ привилегіи высшихъ классовъ, которыя стѣсняли свободу дѣйствія королевской власти, тогда какъ революція уничтожила феодализмъ и въ соціальномъ отношеніи. Вовторыхъ, реформаторы изъ государей и министровъ XVIII в., перестраивая государственныя учрежденія, вовсе не думали о допущеніи общества къ политической жизни и допускали свободу только тамъ, гдѣ она не сталкивалась съ государственными потребностями: Фридрихъ Великій позволялъ каждому спасаться какъ ему угодно (auf seiner Façon, какъ говорилъ онъ), но въ дѣлахъ государственныхъ у него все должно было ходить по струнке. Другое совсѣмъ представляетъ изъ себя французская революція, начавшая перестройку стараго государства на началахъ свободы какъ въ смыслѣ освобожденія подданныхъ изъ-подъ исключительной опеки правительства, такъ и въ смыслѣ признанія за обществомъ и индивидуумомъ особыхъ правъ по отношенію къ государству: вѣдь и однимъ изъ первыхъ актовъ революціи была декларація правъ человѣка и гражданина.—Вотъ почему государственные дѣятели, въ родѣ Фридриха II, Іосифа II и т. д. называются также просвѣщенными деспотами.

Страны, въ которыхъ пришлось дѣйствовать указанной системѣ, были весьма отсталы въ общественномъ отношеніи. Испанія, Португалія и Италія были доведены католической реакціей и правительственнымъ абсолютизмомъ до самаго жалкаго состоянія. Датскій деспотизмъ послѣ 1660 г. былъ не лучше турецкаго. Пруссія, въ которой историческая жизнь началась только въ XII и XIII вв., въ которой города были слабы по населенію и зажиточности, въ которой не было ни независимой литературы, ни общественнаго мнѣнія,—не обнаруживала никакого расположенія къ самоуправленію и, казалось, была способна только къ военно-хозяйственному режиму Фридриха Вильгельма I (1713 — 1740) и сына его Фридриха II.

Самъ Фридрихъ II сознавался, что ему надоѣло царствовать надъ рабами. Восточныя части монархіи Іосифа II были самыми отсталыми странами; наиболѣе передовымъ владѣніемъ его была Бельгія, но она только въ 1713 г. освободилась отъ испанскаго владычества, которое не могло, конечно, способствовать успѣху цивилизаціи въ этой странѣ. Благодаря неразвитости общества, въ немъ не могло быть реформаціонной инициативы. Мало того: реформаторы изъ государей и министровъ встрѣчали подчасъ даже оппозицію своимъ стремленіямъ, и въ нѣкоторыхъ государствахъ ихъ дѣло не могло пережить ихъ самихъ. Но при крайней отсталости и инертности общества эта оппозиція не могла совершаться во имя народной свободы противъ правительственнаго абсолютизма, она совершалась бо́льшею частью во имя старины, во имя историческихъ правъ, въ защиту клерикальныхъ и аристократическихъ привилегій и интересовъ. Такова была судьба, наприм., гуманнаго Іосифа II: противъ него возмутились Венгрія и Бельгія, и большая часть его реформъ была отмѣнена. Помбалю въ Португаліи пришлось бороться съ духовенствомъ и знатью, и когда онъ наконецъ вышелъ въ отставку, побѣда надъ нимъ выразилась въ томъ, что въ календарь были внесены, какъ святые, папа Григорій VII, провозглашавшій теорію главенства церкви надъ государствомъ, и Игнатій Лойола, основатель ордена іезуитовъ, главной задачей коего было подчиненіе всѣхъ и всего папѣ и церкви. Равнымъ образомъ испанскій министръ Аранда былъ удаленъ королемъ потому, что его на старости лѣтъ удалось духовнику-доминиканцу застращать муками ада, если бы онъ не отказался отъ своего министра. Совершенно такъ же въ Даніи Струензе пришлось столкнуться съ лютеранскою нетерпимостью. Вотъ почему реформы, отъ которыхъ государи и министры ожидали народнаго блага, должны были вводиться часто путемъ насильственнымъ. Наприм., въ Португаліи при Помбалѣ было сослано и заключено въ тюрьмы до 10 тысячъ человѣкъ, словно для того, чтобы вѣротерпимость основывалась на насиліи и гуманность водворялась при помощи жестокости. За то носители новыхъ идей, французскіе философы XVIII в., поддерживали своимъ словомъ реформаторовъ, и многіе изъ государей и мини-

стровъ были въ личной дружбѣ или перепискѣ съ представителями французской передовой мысли.

Чтобы лучше понять общее значеніе просвѣщеннаго абсолютизма въ исторіи западной Европы, разсмотримъ нѣкоторыя частныя явленія изъ реформаторской дѣятельности государей и министровъ. Начнемъ съ вопросовъ чисто-государственныхъ.

Одной изъ первыхъ заботъ правительствъ второй половины XVIII вѣка была государственная централизація, объединеніе разныхъ областей, жившихъ подъ одною и тою же властью: въ основѣ отвлеченной идеи государства лежитъ равенство всѣхъ его частей передъ общимъ и одинаковымъ для всѣхъ закономъ. Между тѣмъ средніе вѣка завѣщали новому времени раздробленіе, обособленіе частей, мѣстныя привилегіи и т. д. Нигдѣ не было такъ трудно установить государственное единство, какъ въ Австріи; тѣмъ не менѣе Іосифъ II при самомъ началѣ правленія своего по смерти Маріи Терезіи (1780) прямо заявилъ, что цѣлью его политики будетъ общее благо, при чемъ онъ не будетъ обращать вниманія на привилегіи отдѣльныхъ провинцій. Дѣйствительно, онъ прямо и сознательно подчинялъ мѣстные интересы идеѣ государства. „Мое правительство нѣмецкое, сказалъ онъ какъ-то одному венгерскому магнату, — зачѣмъ же въ отдѣльной провинціи будетъ существовать національный языкъ?" Монархія Фридриха Великаго была централизована лучше, но и въ ней существовали еще мѣстныя права. Король-философъ рѣшился ихъ уничтожить: представителямъ провинціи Пруссіи было объявлено, что государь, заботящійся о благѣ народа, лучше всякихъ гарантій; Силезія, пріобрѣтенная въ 1741 г., не сохранила своего прежняго устройства и была приравнена къ остальнымъ провинціямъ королевства. Такъ ломались областныя перегородки во имя идеи единаго и нераздѣльнаго государства. Во Франціи только революція окончила централизацію, начатую королями, отмѣнивъ мѣстныя привилегіи и областныя перегородки, продолжавшія существовать въ теченіи всего XVIII в., не смотря на то, что ни одна страна на континентѣ не была такъ подготовлена, какъ Фран-

ція, чтобы быть вполнѣ однороднымъ на всей государственной территоріи политическимъ тѣломъ.

Изъ той же государственной идеи, которая руководила централизаціонной политикой, вытекала потребность и нивелировки общества въ смыслѣ подчиненія всѣхъ его классовъ одному общему закону. Привилегированныя сословія были могущественны. Помбалю пришлось выдержать сильную борьбу съ португальской аристократіей; Тануччи въ Неаполѣ положилъ границы произволу феодальныхъ судовъ; Струензе въ Даніи ограничилъ на время многія сословныя отличія и произволъ помѣщиковъ надъ крестьянами; мечтою Іосифа II было равенство всѣмъ передъ закономъ, а когда у Фридриха II силезское дворянство стало просить свободы отъ податей, то король отвѣтилъ ему, что въ государствѣ, гдѣ всѣ пользуются одинаковой защитой, всѣ должны одинаково нести государственныя повинности. Подобная нивелировка общества, къ которой стремились просвѣщенные деспоты XVIII в., во Франціи была вполнѣ совершена революціей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что революціонная ломка была безпощаднѣе. Она пошла гораздо далѣе усилій реформаторовъ XVIII в. Въ политическую теорію Фридриха Великаго, напр., даже входило поддерживать дворянство, коему онъ, по примѣру Ришелье, придавалъ служилое значеніе: дворяне должны были доставлять арміи офицеровъ, а для этого необходимо было дворянамъ имѣть обезпеченное положеніе; вотъ почему Фридрихъ II раздавалъ дворянамъ большія ссуды изъ казны, не смотря на крайнюю тяжесть налоговъ, и только для дворянъ заводилъ хорошія школы, считая образованность средняго класса излишней роскошью и видя въ сельскихъ начальныхъ училищахъ учрежденія, какъ бы предназначенныя лишь для того, чтобы помѣщать туда инвалидовъ въ качествѣ наставниковъ крестьянскихъ дѣтей. Характеристично для Фридриха II и то, что онъ не ввелъ въ Помераніи задуманнаго для нея закона (1764), который регулировалъ бы отношенія между помѣщиками и крестьянами, когда тамошнее дворянство поставило королю на видъ, будто бы вслѣдствіе новаго закона ему не такъ легко будетъ поставлять рекрутъ въ королевскую армію. Вообще въ эпоху просвѣщеннаго абсолюти-

зма крѣпостное право не было отмѣняемо: всѣ мѣры Іосифа II, Фридриха II, Тануччи, Струензе имѣли въ виду лишь облегченіе быта крестьянъ и поднятіе ихъ благосостоянія посредствомъ ограниченія произвола помѣщичьяго суда, уменьшенія барщины, установленія правительственнаго контроля надъ дѣйствіями помѣщиковъ, замѣны полнаго подчиненія крестьянъ (Leibeigenschaft) болѣе мягкою формою зависимости (Hörigkeit) и т. д. Во Франціи королевское правительство XVIII в. не дѣлало даже и этого, и только революція, улучшивъ положеніе французскихъ крестьянъ, была первымъ толчкомъ для начала дѣйствительнаго уничтоженія крѣпостничества и въ остальной Европѣ.

Во имя государственности просвѣщенному абсолютизму пришлось бороться и съ духовенствомъ. Въ этомъ отношеніи существовала, конечно, разница между государствами католическими и протестантскими, но задача и въ тѣхъ, и въ этихъ была одна—секуляризировать государство. Особенно замѣчательна была борьба католическихъ правительствъ противъ ордена іезуитовъ, составлявшаго какъ-бы status in statu, отличавшагося антигосударственностью своихъ стремленій и своею безнравственностью успѣвшаго заслужить презрѣніе передовыхъ людей вѣка. Притомъ это общество явилось однимъ изъ главныхъ враговъ всякой реформы. Почти одновременно совершилось насильственное изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи (1759), Франціи (1764), Испаніи (1767), Неаполя (1767), Пармы (1768); іезуиты не нашли сочувствія ни у благочестивой Маріи Терезіи, ни у Максимиліана-Іосифа Баварскаго, а въ 1773 г. папа Климентъ XIV по просьбѣ Іосифа II, французскаго министра Шуазёля и министровъ испанскихъ совсѣмъ уничтожилъ самое существованіе ордена.[*]) Изъ-за политическихъ расчетовъ Фридрихъ II оказалъ, впрочемъ, гостепріимство іезуитамъ, надѣясь, что они своимъ вліяніемъ на массу помогутъ ему сплотить Силезію съ остальными частями монархіи. По тѣмъ же соображеніямъ терпѣла іезуитовъ и Екатерина II въ провинціяхъ, отошедшихъ отъ Польши къ Россіи.—Но это не все. На пиренейскомъ

*) Онъ былъ возстановленъ только въ 1814 г.

скомъ полуостровѣ, гдѣ такъ силенъ былъ католицизмъ, гдѣ было столько богатыхъ монастырей, гдѣ существовала инквизиція, и гдѣ сжигали еще еретиковъ, просвѣщенные министры предприняли рядъ мѣръ для ограниченія власти духовенства: Помбаль, напр., прекратилъ ежегодныя сожженія еретиковъ, подчинилъ инквизицію свѣтскимъ судамъ, стремился вырвать народное образованіе изъ рукъ клира, ослабить духовную цензуру; подобныя мѣры были предприняты и въ Испаніи. Спеціальностью неаполитанскаго министра Тануччи былъ вопросъ объ отношеніи церкви къ государству; не смотря на существованіе особаго конкордата съ папою, онъ сокращалъ число духовныхъ, запрещалъ имъ пріобрѣтать имѣнія, упразднялъ цѣлые монастыри, уничтожалъ церковныя десятины, не допускалъ обнародованія папскихъ буллъ безъ королевскаго согласія и т. п. Іосифъ II также былъ въ борьбѣ съ духовенствомъ по поводу уничтоженія многихъ монастырей, по поводу замѣны папской диспенсаціи епископской, по поводу запрещенія обнародовать безъ его согласія папскія буллы, по поводу эдикта вѣротерпимости. Одно время даже думали, что Іосифъ II отложится отъ католицизма, но его убѣдили, что автократіи легче ладить съ папствомъ, чѣмъ съ епископальнымъ устройствомъ, и что папа скорѣе можетъ помочь ему объединить государство, чѣмъ нѣмецкіе епископы. Всѣ мѣры императора по отношенію къ церкви до такой степени напугали папу Пія VI, что онъ лично пріѣхалъ въ Вѣну (1782) для переговоровъ съ Іосифомъ, но Іосифъ отклонилъ всякіе переговоры съ папой.—Изъ всѣхъ католическихъ государствъ Запада одна Франція (не считая изгнанія іезуитовъ) какъ-то отстала отъ общаго движенія: новое положеніе церкви въ государствѣ создано было въ ней только революціей. Не предпринималось серьезныхъ церковныхъ реформъ и въ Польшѣ, гдѣ съ половины XVII в. царила католическая реакція.—Въ протестантскихъ странахъ не могло быть особенной борьбы государства съ церковью: духовенство въ нихъ не имѣло своего особаго центра гдѣ-либо внѣ страны и не владѣло матеріальными средствами; тѣсной связи между нимъ и свѣтской аристократіей не существовало, подобно тому, какъ это было въ католическихъ странахъ, гдѣ высшія духовныя должности

занимались обыкновенно членами аристократическихъ фамилій; притомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ реформація была совершена сверху (а такъ именно было въ Пруссіи), церковь была въ подчиненіи у государственной власти Тѣмъ не менѣе и протестантскія государства сохраняли въ эту эпоху конфессіональный характеръ: хотя на вестфальскомъ мирѣ было отмѣнено правило аугсбургскаго (1555): cujus regio, ejus religio, по которому въ Германіи подданные должны были слѣдовать вѣрѣ своего князя, все-таки еще гражданскія права отдѣльныхъ лицъ опредѣлялись ихъ религіей. Фридрихъ II, желавшій самъ быть нейтральнымъ между Римомъ и Женевой, дозволилъ каждому спасаться *auf seiner Façon*, объявивъ независимость политики государства отъ церковныхъ принциповъ, но такъ какъ среди его подданныхъ были и католики, то и ему пришлось ограждать себя отъ Рима: онъ говорилъ, что въ дѣлахъ, не касающихся вѣры, онъ высшій епископъ и не признаетъ надъ собою посторонняго авторитета. Не вездѣ такъ смотрѣли на дѣло. Во Франціи протестантамъ нужно было ждать революціи, чтобы сравняться въ правахъ съ католиками. Въ Польшѣ диссидентскій вопросъ, жалобы некатоликовъ на притѣсненія, которыя они претерпѣвали, были однимъ изъ поводовъ, дозволявшихъ сосѣднимъ государствамъ вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой.

Съ такою послѣдовательностью проводилъ въ жизнь просвѣщенный абсолютизмъ государственное начало, но его дѣятельность была бы неполна, если бы онъ не заботился и о реформахъ въ самой государственной машинѣ, объ улучшеніи правительственныхъ учрежденій. Фридрихъ II и Помбаль славились экономностью въ расходахъ и улучшеніемъ финансовъ; въ Даніи тоже была бы экономія, еслибы не корыстолюбіе Струензе. Армія Фридриха II была образцовой для того времени, и Помбаль началъ организацію португальскаго войска на манеръ прусскаго. Судъ былъ предметомъ особыхъ попеченій Фридриха II. Послѣ 1789 г. созданнымъ или преобразованнымъ абсолютными правителями учрежденіямъ пришлось выдержать пробу въ борьбѣ съ Франціей, и эта проба показала недостаточность реформъ, произведенныхъ государственною

властью въ XVIII в. Впрочемъ, сама Франція, какъ мы видѣли, не участвовала въ этомъ реформаціонномъ направленіи, охватившемъ около середины вѣка европейскія правительства: въ эпоху Фридриха II на престолѣ Франціи сидѣлъ правнукъ Людовика XIV Людовикъ XV (1715—1774), говорившій, что послѣ него хоть потопъ будь, это его не безпокоитъ—après nous le déluge. Сдѣлана была, правда, слабая попытка реформы при Людовикѣ XVI (1774—1793), но именно слабая и нерѣшительная. Дѣло довершенія государственной централизаціи, сословной нивелировки, обезсиленія церкви и усовершенствованія правительственнаго механизма исполнила во Франціи революція, уничтоживъ провинціальныя, сословныя и корпоративныя привилегіи и создавъ новыя учрежденія на мѣсто негодныхъ старыхъ. Въ этомъ отношеніи французская революція шла по одному пути съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, но это была только одна ея сторона. Другою страною, гдѣ не примѣнилась и не могла примѣниться система просвѣщеннаго абсолютизма, была Польша. Въ то самое время, какъ въ другихъ государствахъ происходило возвышеніе королевской власти на счетъ духовенства и дворянства, въ Рѣчи Посполитой именно духовенство, забравшее со времени введенія іезуитовъ въ свои руки воспитаніе и нравственное руководительство общества, и шляхта, господствовавшая въ сеймахъ, въ администраціи, въ судѣ,—распоряжались всѣмъ. Королевская власть была безсильна, а привилегированныя сословія не могли же произвести реформы, направленной противъ самихъ себя, противъ своей религіозной нетерпимости, противъ своихъ соціальныхъ привилегій. Съ этой стороны была нѣкоторая аналогія въ положеніи Франціи и Польши, и когда въ обѣихъ странахъ старый порядокъ выказалъ всю свою несостоятельность, въ одной разразилась революція, другая должна была лишиться политической независимости. И въ томъ, и въ этомъ одною изъ причинъ переворота было то, что во время не были произведены реформы, которыя могли бы предохранить общество отъ потрясенія или отъ окончательнаго разложенія. Различіе же въ судьбѣ обѣихъ странъ находитъ свое объясненіе въ существованіи не только различія во внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ онѣ были по-

ставлены, но и въ неодинаковости внутреннихъ условій быта Франціи и Рѣчи Посполитой: государственный принципъ былъ крѣпокъ въ дореволюціонной Франціи, въ Польшѣ духовенство приносило его въ жертву Риму, шляхта же размѣнивала его на мелкую монету своекорыстныхъ личныхъ интересовъ. Клерикалы готовы были погубить отечество, лишь бы диссиденты не получили вѣротерпимости, когда для диссидентовъ свободы вѣроисповѣданія требовали могущественные сосѣди, а дворянство вмѣшивало этихъ же сосѣдей во внутреннія дѣла страны, чтобы съ помощью ихъ увѣковѣчить старый порядокъ, защищая его отъ всякой реформы.

Система просвѣщеннаго абсолютизма является намъ такимъ образомъ, какъ послѣдняя стадія въ развитіи того государственнаго принципа, который задавалъ тонъ жизни въ XVII и XVIII вв.: истиннымъ родоначальникомъ „просвѣщенныхъ деспотовъ" былъ кардиналъ Ришелье. Но въ нашемъ явленіи было и нѣчто новое: система не была продуктомъ одной инстинктивной дѣятельности великихъ государственниковъ, но представляла изъ себя сознательную попытку общественнаго переустройства путемъ реформы сверху, путемъ реформы, произведенной государственной властью на основѣ общихъ принциповъ.

VII. Просвѣщеніе XVIII вѣка.

Реформы, предпринятыя въ XVIII в. государственною властью въ разныхъ странахъ Европы, были не только проявленіемъ развитія государственнаго принципа, но и отражали на себѣ отчасти просвѣщеніе вѣка. Теперь намъ и необходимо познакомиться съ общимъ характеромъ этого *просвѣщенія* (Aufklärung), которое само по себѣ играло важную роль въ исторіи. Три совершенно различныя движенія можемъ мы обнаружить въ исторіи умственнаго развитія Европы въ новое время. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы: это движеніе *реформаціонное*, ставшее во враждебное отношеніе къ старому порядку вещей, но видоизмѣнявшее его формы, во всякомъ случаѣ сохранявшее его

сущность. Другимъ движеніемъ было развитіе *научной мысли*, получившей сильный толчекъ отъ знакомства съ возродившейся въ концѣ среднихъ вѣковъ античной образованностью. Это движеніе было въ началѣ очень слабо и притомъ оно было направлено исключительно на изученіе явленій матеріальнаго міра: міръ соціальныхъ явленій былъ захваченъ имъ гораздо позднѣе, такъ что только въ XIX в. научные пріемы были вполнѣ приложены къ изученію устройства, развитія и жизни человѣческаго общества. Можно сказать, особенно для XVII в., что новое государство размежевалось съ представителями науки, предоставивъ имъ полную свободу въ изученіи природы, снабдивъ ихъ для этого необходимыми матеріальными средствами, взявши, словомъ, науку на казенное содержаніе, лишь бы только ученые спокойно сидѣли въ своей области, не мѣшая правительствамъ дѣлать свое дѣло. Такъ и вышло: политическая исторія и исторія науки до середины XVIII вѣка идутъ особнякомъ одна отъ другой, и одна можетъ быть совершенно понятна безъ другой. Наконецъ, третье движеніе было *чисто отрицательнаго свойства*: оно исходило изъ сомнѣнія въ годности общепринятыхъ традицій, оно проявлялось въ критикѣ всего окружающаго, цѣлью его было разрушеніе стараго во имя общихъ принциповъ разума и абсолютныхъ идей. Это скептическое, критическое, раціоналистическое направленіе, начавшее дѣйствовать съ конца XV в., достигло наибольшей силы въ XVIII столѣтіи и такъ же его характеризуетъ, какъ движеніе реформаціонное, протестантизмъ характеризуетъ XVI в., эту эпоху религіознаго броженія и установленія новыхъ церквей. Въ самомъ началѣ реформаціи скептицизмъ уже начиналъ давать окраску нѣкоторымъ направленіямъ европейской мысли. Впервые получилъ онъ значительную силу у итальянскихъ мыслителей эпохи Возрожденія, въ родѣ Помпонацци (нач. XVI в.), подвергавшаго сомнѣнію вопросъ о безсмертіи души въ своемъ *Tractatus de immortalitate animae* (1516). Но въ Италіи это движеніе было затерто католической реакціей второй половины XVI в., когда всякая свобода мысли должна была изчезнуть здѣсь передъ соединенными усиліями іезуитизма, инквизиціи и цензуры. Въ другихъ странахъ всѣ умственныя силы общества были по-

глощены реформаціоннымъ движеніемъ, которое только въ исключительныхъ случаяхъ приводило къ такимъ раціоналистическимъ выводамъ, какіе представляютъ изъ себя польскій социніанизмъ конца XVI и первой половины XVII в. и англійскій деизмъ конца XVII и начала XVIII в. Въ Германіи, напр., XVII вѣкъ былъ вѣкомъ богословскихъ споровъ. Въ одной только Франціи не было настолько сильной католической реакціи, а сама реформація, имѣвшая въ значительной степени оттѣнокъ чистополитическаго движенія, была настолько слаба, что скептическое и раціоналистическое направленія мысли могли получить здѣсь раннее преобладаніе въ умственной жизни страны. Вспомнимъ жившихъ во Франціи въ первой половинѣ XVI в. де Перье и Рабле (1483—1533): и первый въ своей книгѣ *Cymbalum mundi* (1538) въ формѣ лукіановскаго діалога относится съ насмѣшливымъ индифферентизмомъ къ спорамъ католиковъ съ протестантами, и второй въ своихъ знаменитыхъ романахъ *Гаргантюа* и *Пантагрюэль* одинаково глумится и надъ „папелярами и монахами,“ и надъ „одержимыми бѣсомъ Кальвинами.“ Говорятъ, что послѣдними его словами на смертномъ одрѣ было: je m'en vais chercher un grand Peut-être. Вспомнимъ, что во второй половинѣ вѣка во Франціи жилъ и мыслилъ Монтэнь (1533—1592), развившій въ полную систему скептическое отношеніе къ авторитету, какое бы имя онъ ни носилъ, и требовавшій поэтому свободы мысли отъ всякихъ внѣшнихъ авторитетовъ: que sais-je? спрашивалъ онъ самаго себя, и указывая на всѣ противорѣчія философіи, равно какъ на условность морали, говорилъ, что вся бѣда заключается въ увѣренности, будто человѣкъ можетъ знать всю истину. Вспомнимъ, наконецъ, что во Франціи же родился отецъ новой философіи Декартъ (1596—1650). Въ самомъ дѣлѣ, съ чего, какъ не съ абсолютнаго сомнѣнія во всемъ, не только въ существованіи чувственныхъ вещей, но и въ истинахъ математическихъ, начала новая философія? Одного только достигъ Декартъ, какъ непреложнаго и прочнаго результата этого сомнѣнія: мы можемъ сомнѣваться во всемъ, кромѣ существованія своего собственнаго *я*, мыслящаго и сомнѣвающагося. „Я мыслю, слѣдовательно я существую“ (cogito ergo sum)—сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ

новой философіи, поставившей верховнымъ авторитетомъ разумъ, какъ нѣчто, не подлежащее сомнѣнію.—Конецъ XVII в. въ Англіи былъ ознаменованъ появленіемъ деистовъ, или какъ они охотнѣе себя называли, свободныхъ мыслителей. Въ XVIII вѣкѣ англійское деистическое направленіе было перенесено во Францію, гдѣ приняло еще болѣе аггрессивный характеръ, нашедши удобную для себя почву, подготовленную всѣмъ предыдущимъ развитіемъ раціоналистической мысли. Возникновеніе деизма находится въ тѣсной связи съ протестантизмомъ и религіознымъ состояніемъ Англіи въ XVII в.: при борьбѣ между разными протестантскими сектами, на которыя распадалась значительная часть населенія страны, естественно было искать почвы, на которой могли бы примириться всѣ религіозныя противорѣчія, а сравненіе разныхъ религій, и нехристіанскихъ даже, приводило къ установленію общей ихъ основы въ вѣрѣ въ Бога, котораго должно почитать и который требуетъ добродѣтели, благочестія и покаянія, и въ вѣрѣ въ будущую жизнь, въ которой оказано будетъ воздаяніе за добро и зло, содѣянное въ этой жизни. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ англійскихъ сектъ, признавая полную свободу индивидуальной совѣсти, ставили св. писаніе, какъ внѣшнее откровеніе, ниже внутренняго откровенія, совершающагося въ душѣ человѣка; это внутреннее откровеніе мистическаго свойства, связанное съ энтузіазмомъ и пророческимъ духомъ сектантовъ, мало-по-малу замѣнилось трезвымъ голосомъ разума, который былъ такимъ образомъ признанъ верховнымъ критеріемъ всякой, а въ томъ числѣ и религіозной истины. Ко всему этому присоединилось вліяніе развитія естественныхъ наукъ, особенно великаго открытія Ньютона (1642—1727), вліяніе, выразившееся въ желаніи объяснить естественнымъ путемъ чудеса библейской исторіи. Въ нихъ стали видѣть аллегоріи или попросту отрицать ихъ. Такъ составилась система естественной религіи, сводившейся на вѣру въ единаго Бога (откуда названіе деизма) и въ безсмертіе души. Съ точки зрѣнія раціоналистическаго деизма началась и та критика откровенной религіи, которая во Франціи въ XVIII вѣкѣ сопровождалась ожесточенною ненавистью къ католической церкви. Главнымъ представителемъ этого на-

правленія во Франціи былъ Вольтеръ (1694—1778). Заслуга деистовъ заключается въ горячей защитѣ свободы мысли отъ внѣшнихъ стѣсненій и права человѣческаго разума на полную самостоятельность. Благодаря имъ, совершилась окончательная секуляризація всѣхъ областей человѣческаго знанія. Въ XVII вѣкѣ произошло освобожденіе отъ церковнаго вліянія,—католическаго или протестантскаго, — философіи, но этика, ученіе о нравственности, находилась еще во власти теологической теоріи: деисты, ища естественной, врожденной человѣку религіи, должны были искать и основъ морали не во внѣшнихъ предписаніяхъ той или другой церкви, а въ самой природѣ человѣка. Такое же направленіе проникло около этого времени и въ науки политическія. Разсматривая данныя въ дѣйствительности соціальныя отношенія, политическія учрежденія, юридическія постановленія, во всѣхъ этихъ явленіяхъ раціоналисты видѣли уже не установленія, данныя людямъ непосредственно самимъ Богомъ, а нѣчто такое, что имѣетъ свой корень въ особомъ, естественномъ состояніи человѣчества, или же заключенія, выведенныя изъ понятій естественнаго права, открываемаго разумомъ. Въ этомъ естественномъ состояніи, въ этомъ естественномъ правѣ публицисты прошлаго вѣка усматривали обязательный типъ природы вещей, мѣрку, которою слѣдуетъ мѣрить существующее; они подводили то или другое явленіе подъ эту мѣрку и сообразно съ этимъ произносили свой приговоръ. Изъ этихъ же понятій чисто-математическимъ способомъ они выводили свои системы, которыя должны были объяснить естественнымъ путемъ, на основаніи началъ разума, всѣ существующія явленія общественной жизни и дать сообразныя съ этимъ практическія наставленія. Предполагалось при этомъ, что чисто-отвлеченная дѣятельность разума, помимо наблюденія и изученія дѣйствительности, можетъ дать человѣку полную политическую мудрость. Впрочемъ, мы вернемся еще къ обстоятельствамъ, вызвавшимъ къ жизни политическую литературу эпохи.

Общая черта просвѣтительной литературы XVIII в.—критика всего, что не можетъ быть оправдано однимъ разумомъ. Критика церковныхъ ученій, доходившая нетолько до отрица-

нія христіанства, но даже до прямаго атеизма, не была одинокой: все, что жило традиціей, подвергалось анализу пытливой мысли, и не одному христіанскому откровенію противопоставляли основанную на одномъ разумѣ естественную религію: мѣсто божественнаго права королей заступило народовластіе, а сословныя права дворянства и духовенства были подорваны ученіемъ о прирожденныхъ правахъ человѣка и естественномъ равенствѣ всѣхъ людей. Новое направленіе отличалось при этомъ вообще горячею вѣрою въ силу человѣческаго разума, въ человѣческія способности, въ назначеніе человѣка; оно говорило страстнымъ тономъ убѣжденія и обращалось къ самымъ интимнымъ инстинктамъ человѣка, проповѣдуя достоинство личности, какъ таковой, проповѣдуя любовь къ ближнему и гуманность, напр., по отношенію къ отверженцамъ тогдашняго общества, къ преступникамъ, къ незаконнорожденнымъ и т. п., требуя отмѣны рабства, полной вѣротерпимости, уничтоженія пытокъ и строгихъ наказаній и пр. и пр. Поэтому новая литература не могла не имѣть сильнаго вліянія на общество, и дѣйствительно, сочиненія французскихъ писателей читались во всей Европѣ, разнося просвѣтительную и освободительную мысль по всѣмъ образованнымъ странамъ. Вольтеръ даже пользовался царственнымъ положеніемъ, и многіе государи и министры ставили себѣ въ честь знакомство и переписку съ нимъ; сочиненіе Монтескье (1689—1755) „Духъ законовъ“ было настольною книгою многихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка, и добрая половина знаменитаго „Наказа“ Екатерины II составляетъ повтореніе мыслей, выраженныхъ въ книгѣ французскаго писателя; не меньшею славою пользовался и Руссо (1712—1778): въ 1772 г. къ нему обратился, напр., за политическими совѣтами графъ Велегорскій, и результатомъ этого былъ цѣлый трактатъ Руссо, извѣстный подъ названіемъ *Considérations sur le gouvernement de Pologne*, въ которомъ давались разныя наставленія польскимъ патріотамъ; къ нему же обратился во время борьбы Корсики съ Генуей за независимость одинъ корсиканскій патріотъ, прося его дать Корсикѣ не болѣе, не менѣе, какъ готовую конституцію. Въ нашемъ курсѣ мы подробнѣе позна-

комимся съ французскими писателями XVII в. Но Франція была не одна.

Одновременно съ ея просвѣтительною литературою развивалась и въ Германіи литература „періода бурныхъ стремленій“ (Sturm und Drangperiod), только нѣсколько отличная отъ французской. „Философія XVIII в.“ во Франціи была сильна своею критикою неприглядnаго существующаго: Вольтеръ избралъ предметомъ своихъ нападеній церковь, Монтескьё подрывалъ принципъ абсолютной монархіи, Руссо разбивалъ всѣ общественныя учрежденія, въ то самое время, какъ физіократическая школа экономистовъ подвергала критикѣ тогдашнюю экономическую политику государства, а нѣкоторые отдѣльные экономисты начинали критиковать даже вообще экономическія основы тогдашняго европейскаго общества. Словомъ, литература во Франціи имѣла характеръ общественный, заявляя протестъ противъ соціальной несправедливости и противъ традиціонной необходимости и представляя изъ себя защиту правъ человѣка: конечною цѣлью ея могла быть только политическая перестройка. Въ Германіи „періодъ бурныхъ стремленій“ былъ чуждъ разрѣшенія общественныхъ вопросовъ; нѣмцы прошлаго вѣка плохо понимали политическую жизнь. Иной характеръ имѣетъ поэтому нѣмецкое просвѣщеніе XVIII в. „Эпоху, въ которую мы жили, говоритъ Гёте (1759—1832), можно назвать эпохой требованій, потому что тогда отъ себя и отъ другихъ требовали того, чего никто еще не сдѣлалъ. Именно, у лучшихъ, мыслящихъ и чувствующихъ людей явился лучъ сознанія, что *непосредственный оригинальный взглядъ на природу и основанная на немъ дѣятельность есть лучшее, чего человѣкъ можетъ желать.* Духъ свободы и природы весьма сладко шепталъ въ уши, что *безъ большихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ у него довольно матеріялу и содержанія въ самомъ себѣ и все дѣло лишь въ томъ, чтобы достойно развить его,*“ Такимъ образомъ нѣмецкое просвѣщеніе имѣло цѣлью образованіе, развитіе отдѣльной личности, а не созданіе новыхъ формулъ общежитія.—И во Франціи, и въ Германіи возникло такимъ образомъ раздвоеніе идеи и дѣйствительности, которая въ XVIII в. была очень неприглядна; но если французскіе публицисты задумали поднять дѣйствитель-

ность до идеи, перестроить жизнь на новыхъ началахъ, то нѣмецкая литература мало-по-малу начала проповѣдовать необходимость отвернуться отъ пошлой дѣйствительности и стала совѣтовать человѣку „искать матеріала и содержанія въ самомъ себѣ," приводя такимъ образомъ къ крайнему субъективизму. Здѣсь раздвоеніе идеи и дѣйствительности свелось не на противоположность индивидуальной свободы и традиціонной соціальной необходимости, а на антитезу желанія отдѣльнаго лица, какъ поэзіи, и общественныхъ правилъ, какъ прозы: это была защита не правъ человѣка, а правъ сердца; цѣлью всего движенія была не политическая перестройка, а поэтическое изображеніе жизни; словомъ, оно не выходило изъ области литературы. Этимъ субъективизмомъ общее направленіе нѣмецкой просвѣтительной литературы, роднится съ идеалистической философіей, развившейся въ Германіи и нашедшей лучшее выраженіе къ концу вѣка (1794 г.) въ „Ученіи о наукѣ" Фихте (1762—1814), поставившаго *я* за основной принципъ, изъ котораго все выводится и по отношенію къ которому весь окружающій насъ міръ есть только *не-я*. Въ одномъ обѣ литературы дѣлали общее дѣло, въ пріобрѣтеніи для разума права на все бо́льшую и бо́льшую самостоятельность въ сужденіяхъ обо всемъ существующемъ. Великій нѣмецкій философъ Кантъ (1724—1804) въ своей „Критикѣ чистаго разума" изслѣдовалъ свойства и опредѣлилъ границы нашей познавательной способности. Это было систематическое установленіе разума въ его правахъ и научное ограниченіе области того, что можетъ быть познаваемо разумомъ.

Мы уже упомянули, что нѣкоторыя реформы просвѣщеннаго абсолютизма представляютъ изъ себя отраженіе передовыхъ идей вѣка, особенно въ вопросахъ вѣротерпимости и гуманности, но собственно говоря, попыткой полнаго и всесторонняго осуществленія идей просвѣщенія была французская революція, однимъ изъ первыхъ актовъ которой была декларація правъ человѣка и которая стремилась вообще перестроить все общество на началахъ, выработанныхъ философами XVIII вѣка. Отсюда общеевропейское значеніе революціи, съ перваго года которой (1789) мы начинаемъ совершенно отдѣльный періодъ

исторіи, исторію новѣйшую, подобно тому, какъ новую начинаемъ съ реформаціи. Помимо мѣстнаго значенія революціи, какъ довершенія государственнаго строенія Франціи, начатаго старой монархіей, переворотъ 1789 г. имѣетъ и общеевропейское значеніе потому именно, что въ это время во Франціи впервые на основѣ новыхъ принциповъ, которые уже стали распространяться по всей Европѣ, началась перестройка общественной жизни, во всѣхъ странахъ Европы страдавшей отъ однихъ и тѣхъ же недостатковъ: со временемъ и въ другихъ странахъ должно было явиться такое же желаніе согласовать дѣйствительность съ идеаломъ. Однако это событіе громадной важности начинающее собою совершенно новый культурный періодъ исторіи,—и въ смыслѣ событія мѣстнофранцузскаго, и въ смыслѣ событія міроваго,—не было совершенно новымъ явленіемъ въ исторіи послѣднихъ вѣковъ, и связь его съ „просвѣщеніемъ“ была не только общая, но касалась даже отношеній совершенно частныхъ: короче говоря, у революціи были антецеденты и, такъ сказать, заранѣе готовые принципы.

VIII. Политическія и общественныя стремленія новаго времени.

Въ новой исторіи есть три событія, которыя можно назвать антецедентами французской революціи: первымъ изъ нихъ была борьба Нидерландовъ противъ фанатизма и деспотизма Филиппа II, кончившаяся основаніемъ независимой Голландіи (въ к. XVI в.), вторымъ двѣ англійскія революціи, отстаивавшія старую конституцію Англіи отъ абсолютическихъ стремленій Стюартовъ (1640—49 и 1688), третьимъ сѣвероамериканская борьба за независимость, имѣвшая результатомъ образованіе обширной заатлантической республики (1774—1783). Всѣ эти три событія представляютъ изъ себя защиту свободы отъ деспотизма, и поборники свободы въ Голландіи, Англіи и Америкѣ были такимъ образомъ предшественниками французовъ конца XVIII вѣка, которые также стремились къ свободному политическому устройству своей родины. Но это только выдающіяся движенія новой исторіи, движенія, достигшія своей цѣли и

внесшія въ сознаніе общества новые политическіе принципы: поэтому мы не говоримъ ни о возстаніи шведовъ и датчанъ противъ Христіана II (1523); ни о возмущеніи чеховъ въ началѣ тридцатилѣтней войны, ни о неаполитанскомъ возстаніи Мазаньелло (1649), ни наконецъ о той неудачной фрондѣ (1648—1652), которая была во Франціи въ малолѣтство Людовика XIV, хотя два послѣднія событія по времени и совпадаютъ съ первой англійской революціей.

Новый принципъ, который выработали и примѣнили указанныя три событія, есть принципъ народовластія, или теорія народнаго верховенства. По этой теоріи, верховная власть въ каждомъ государствѣ покоится въ совокупности его гражданъ, въ народѣ, который такимъ образомъ и есть единственный источникъ верховной власти. Собственно говоря, мысль эта была высказана и развита еще въ средніе вѣка, во время спора папства съ имперіей, когда вообще часто писались трактаты объ отношеніи церкви къ государству. Извѣстно, что папы и католическіе писатели, защищавшіе ихъ притязанія, доказывали, что короны императорская и королевскія зависятъ отъ святаго престола, что источникомъ власти государей является намѣстникъ св. Петра. У свѣтскихъ государей нашлись свои защитники, которые начали искать для свѣтской власти независимаго отъ папы источника и стали указывать на народъ, какъ на этотъ источникъ: свои права государи получаютъ отъ народа, который передастъ имъ власть надъ собою. Этой теоріей, которой средневѣковые публицисты старались доказать независимость свѣтской власти, воспользовались въ новое время іезуиты для цѣли совершенно противоположной, оправдывая ею даже цареубійство въ томъ случаѣ, если тотъ или другой государь имъ былъ неугоденъ. Именно въ происхожденіи свѣтской власти отъ народа они видѣли обстоятельство для нея унизительное и ставящее ее ниже власти духовной: государство учредили люди, которые и суть источникомъ верховной въ немъ власти, тогда какъ церковь учрежденіе божественное, и источникъ верховной въ ней власти не кто иной, какъ самъ Богъ. Понятно, что ни въ томъ, ни въ другомъ значеніи принятъ былъ принципъ народовластія французской революціей и ея предшественниками:

его они вырабатывали и принимали въ томъ смыслѣ, что самыя государственныя учрежденія должны быть устроены согласно съ положеніемъ о принадлежности верховной власти народу или въ томъ смыслѣ, что народъ имѣетъ право низлагать несправедливыхъ правителей. Такимъ образомъ въ исторіи принципа мы можемъ отмѣтить три момента: 1) власть государей *не зависитъ отъ власти папы*, ибо источникъ ея народъ; 2) власть государей *ниже власти папы*, ибо государя поставляютъ люди, папу самъ Богъ; 3) власть государя имѣетъ источникъ въ народѣ, *которому и принадлежитъ истинное верховенство.* Строгое примѣненіе принципа въ послѣднемъ смыслѣ требовало демократической республики, менѣе послѣдовательное остановливалось на конституціонной монархіи, но во всякомъ случаѣ принципъ шелъ въ разрѣзъ съ абсолютизмомъ, водворившимся почти во всѣхъ государствахъ европейскаго континета.

Первые, примѣнившіе теорію народовластія въ въ послѣднемъ смыслѣ были французскіе политическіе писатели, вышедшіе изъ школы Кальвина. Существуетъ связь между церковнымъ устройствомъ кальвинизма и демократическими теоріями: женевскій реформаторъ, правда, самъ ввелъ въ Женевѣ аристократическое устройство, но церковь его управлялась демократически пресвитеріянской коллегіей, откуда недалеко было до перенесенія демократіи и въ политику. Притомъ самъ Кальвинъ проповѣдовалъ сопротивленіе властямъ, когда онѣ требовали противнаго закону божію, и допускалъ легальное противодѣйствіе тираніи со стороны законно собранныхъ государственныхъ чиновъ. Главныя политическія сочиненія кальвинистовъ принадлежатъ Франціи, гдѣ во второй половинѣ XVI в. гугеноты боролись съ католическимъ правительствомъ. Въ 1571 г. появилось сочиненіе Готмана подъ названіемъ *Franco-Gallia*: въ немъ доказывалось, что королевская власть во Франціи была прежде ограничена, и что верховенство принадлежитъ народу. Около того же времени Ланге написалъ сочиненіе *Vindiciae contra tyrannos*, гдѣ проводится принципъ народовластія и защищается право подданныхъ сопротивляться государямъ. Въ 1578 г. вышелъ памфлетъ 16-лѣтняго юноши Де ла Боэси

Contr'un ou discours sur la servitude volontaire, представляющій изъ себя страстную апологію политической свободы. Какъ разъ въ это время происходила борьба протестантскихъ Нидерландовъ противъ Филиппа II. Эта борьба была не только національно-религіозная, но и политическая: правительство Филиппа II имѣло намѣреніе ввести въ свободную страну испанскую политическую систему, и королевскій намѣстникъ герцогъ Альба началъ съ того, что сталъ вводить произвольные налоги, на которые государственные чины не изъявили своего согласія. Это заставило нидерландскихъ католиковъ сблизиться въ общей оппозиціи съ протестантами, которые были недовольны и церковной политикой Филиппа II и особенно инквизиціей, грозившей личной свободѣ каждаго. Началось возстаніе, оторвавшее часть Нидерландовъ отъ испанской монархіи, возстаніе, во время котораго, послѣ утрехтской уніи (1579), соединившей для взаимной защиты семь сѣверныхъ провинцій, возникла изъ нихъ независимая республика (1581). Актъ низложенія Филиппа II былъ совершенъ во имя слѣдующаго политическаго принципа: государь поставленъ надъ подданными для того, чтобы защищать и охранять ихъ; не подданные существуютъ для государя, чтобы быть рабами ему, но государь существуетъ для подданныхъ. Его обязанность руководить ими справедливо и кротко. Не исполняя этого, онъ является уже не регентомъ, а тираномъ. Подданные и ихъ представители въ правѣ призвать себѣ другого князя для ихъ защиты.

Въ XVII в. этотъ же принципъ защищался въ Англіи парламентомъ отъ абсолютистическихъ стремленій династіи Стюартовъ. Въ Англіи политическія событія XVII в. состоятъ въ тѣсной связи съ религіозной реформаціей XVI в. Здѣсь одна реформація шла сверху, отъ короля, который, отложившись отъ Рима, провозгласилъ себя главою, особой англиканской церкви, сохранившей епископальное устройство, и сталъ преслѣдовать какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, непризнавшихъ его церковной власти. Епископальная церковь, обязанная своимъ происхожденіемъ королевской власти, сдѣлалась ея защитницей, проповѣдуя впослѣдствіи теорію божественнаго права королей, по которой монархамъ должна принадлежать абсолютная власть.

Другая реформація шла снизу, отъ народа, принимавшаго кальвинизмъ. Англійскіе и шотландскіе протестанты, называвшіеся пуританами и пресвитеріянами, не были расположены подчиняться въ дѣлахъ вѣры какому—либо человѣческому авторитету и, отвергшись отъ Рима, разумѣется, не хотѣли признать англиканской церкви, въ которой король замѣнилъ папу. Такъ какъ людей этихъ начали преслѣдовать, то ихъ ненависть къ установленной церкви осложнилась ненавистью къ коронѣ, и они приходили къ заключенію, что если лучшимъ сосудомъ духовной власти былъ національный синодъ, то наилучшимъ сосудомъ власти свѣтской былъ парламентъ. Въ половинѣ XVII в. религіозные и политическіе принципы пуританъ были доведены до своего логическаго конца индепендентами, провозглашавшими въ области религіи полную вѣротерпимость и совершенную независимость каждой отдѣльной церковной общины, отъ какой бы то не было власти, а въ области политики—принципъ народнаго суверенитета и республиканское устройство государства. Англійская революція и была столкновеніемъ двухъ реформацій и двухъ политическихъ системъ: короли изъ династіи Стюартовъ думали идти по стопамъ континентальныхъ монарховъ, уничтожавшихъ старинныя представительныя учрежденія; парламентъ, существовавшій уже болѣе трехъ вѣковъ, ополчился на защиту своихъ правъ: въ 1642 и слѣд. гг. онъ велъ войну съ Карломъ I, окончившимъ жизнь на эшафотѣ, въ 1688 г. онъ низвергъ съ престола Іакова II и отдалъ корону Вильгельму III, потомку Вильгельма Оранскаго, главнаго борца за независимость Нидерландовъ; одно время Англія была даже республикой, въ учрежденіи которой главную роль играли индепенденты (1649—1660).—Эта борьба королей съ народнымъ представительствомъ породила въ Англіи цѣлую политическую литературу, въ которой основнымъ вопросомъ было происхожденіе верховной власти: исходитъ ли она непосредственно отъ Бога, или же имѣетъ свой источникъ въ народѣ? Индепенденты и ихъ политическіе сторонники рѣшали вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, и вторая англійская революція, низложившая Іакова II и замѣнившая его Вильгельмомъ III, совершилась также въ силу примѣненія къ практикѣ этой политической теоріи. У англійскихъ публицис-

товъ XVII в. защита политическихъ правъ народа сопровождалась всегда защитой свободы совѣсти и свободы слова, составлявшихъ также принципъ индепендентства. Представителями этихъ идей въ англійской литературѣ XVII в. являются Генри Венъ, знаменитый поэтъ Мильтонъ (1608—1674), написавшій нѣсколько трактатовъ въ защиту англійскаго народа, возставшаго противъ Карла I, и въ защиту свободы политической, равно какъ свободы совѣсти и печатнаго слова; далѣе Альджерионъ Сидней († 1683), проводившій въ своемъ *Разсужденіи о правительствѣ* теорію договора между народомъ и правительствомъ; наконецъ извѣстный философъ Локкъ (1632—1704), выпустившій черезъ годъ послѣ второй революціи (1689) *Трактатъ о правительствѣ*, въ которомъ открыто было заявлено, что авторъ его имѣлъ цѣлью при составленіи своей книги „утвердить престолъ великаго возстановителя англійской свободы Вильгельма, *вывести его права изъ воли народа* и защитить англійскій народъ за его новую революцію.“ Трактатъ Локка, проводя теорію народовластія и договорнаго происхожденія, замѣчателенъ еще рѣзко индивидуалистическимъ направленіемъ: на первомъ планѣ у него человѣческая личность, личныя права, личная свобода, и онъ старается довести до *minimum* а права государства надъ индивидуумомъ, въ совершенный разрѣзъ съ доктриной Гоббза и практикой Ришельё. Этотъ индивидуализмъ былъ въ духѣ эпохи, и основа его коренится въ передовомъ протестантизмѣ. Личность начинала заявлять свои права.

Въ XVIII в. англійскія политическія идеи перешли во Францію, и политическія учрежденія Англіи нашли въ ней немало приверженцевъ. Всѣ писатели французскіе думали при этомъ, что гораздо лучше жить обществу, слѣдуя элементарнымъ простымъ правиламъ, почерпнутымъ изъ разума и естественныхъ законовъ человѣческой природы, чѣмъ тяготиться перепутанными и основанными на обычаѣ преданіями времени. Сочиненія Монтескье (Духъ Законовъ) и Руссо (Общественный Договоръ) представляютъ изъ себя дальнѣйшее развитіе политическихъ принциповъ, выработанныхъ въ Англіи: первый изъ этихъ двухъ писателей явился теоретикомъ конституціон-

ной монархіи, образецъ которой для него представляла Англія, второй теоретикомъ чистаго народовластія и демократической республики. Во время своей первой революціи французы пытались устроить свое государство сначала по идеямъ Монтескьс, потомъ по идеямъ Руссо, а въ XIX на основѣ тѣхъ же идей стали перестраивать свой политическій бытъ и другія государства Европы.—Но за нѣсколько лѣтъ до начала революціи еще въ одной странѣ нашли примѣненіе политическія идеи, выработанныя событіями XVI и XVII вв. Мы имѣемъ въ виду американскія колоніи Англіи, отложившіяся отъ своей метрополіи (1776), которая начала облагать ихъ податями безъ участія ихъ въ парламентѣ и такимъ образомъ безъ ихъ согласія. Колоніи съ своимъ протестантскимъ, сектаторскимъ и свободолюбивымъ населеніемъ составили изъ себя великую демократическую республику Новаго Свѣта, Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты. Существуетъ нѣкоторая связь между всѣми указанными движеніями. Недаромъ лучшій историкъ нидерландской революціи (Мотлей) американецъ, изучавшій исторію своихъ духовныхъ предковъ XVI вѣка; недаромъ извѣстный дѣятель французской революціи Лафайетъ принималъ участіе и въ американской, пользовавшейся большимъ сочувствіемъ французскаго общества наканунѣ переворота 1879 г.; недаромъ возставшіе противъ англичанъ американцы были не кто иные, какъ потомки англичанъ, боровшихся у себя на родинѣ за политическую и религіозную свободу; недаромъ Англія была какъбы родиной тѣхъ идей, которыя начали примѣнять французы къ устройству своего политическаго быта въ 1789 г.; недаромъ Вильгельмъ Оранскій, спаситель англійской свободы въ 1688 г., былъ потомкомъ Вильгельма Оранскаго, основателя голландской свободы ста годами ранѣе; недаромъ политическіе и религіозные изгнанники Голландіи находили пріютъ въ Англіи, а англійскіе въ Нидерландахъ. Замѣтимъ вообще, что то, чѣмъ въ XVIII в. для Европы была Англія, упрочившая въ концѣ предыдущаго столѣтія свою свободу, тѣмъ въ XVII в. была для нея Голландія: здѣсь находили убѣжище всѣ гонимые за политическія и религіозныя идеи; здѣсь печатались книги, которыя не могли бы появиться въ другихъ странахъ (напр., польскихъ антитрини-

таріевъ, изгнанныхъ изъ Рѣчи Посполитой въ серединѣ XVII вѣка), и весьма характеристично то, что, наприм., Амстердамъ, которымъ помѣчено мѣсто печати нѣкоторыхъ изъ нихъ называется въ нихъ городомъ свободы (Freistadt, Eleuthéropolis). Здѣсь былъ какъ-бы постоянный центръ европейской коалиціи противъ абсолютизма Людовика XIV, и отсюда же вышли борцы за свободу Англіи въ 1688 г.

Изъ этого мы можемъ видѣть, какая тѣсная связь существуетъ нетолько между разнородными теченіями исторической жизни (напр., реформаціей и политическими движеніями) въ одной и той же странѣ, но и между исторіями отдѣльныхъ государствъ западной Европы въ новое время. Можно сказать, что вся Европа представляетъ изъ себя какъ-бы одну страну, имѣющую общую исторію, хотя послѣднія и видоизмѣняется по отдѣльнымъ государствамъ, представляющимъ изъ себя нѣчто въ родѣ провинцій этой большой страны: въ одномъ государствѣ беретъ верхъ одно явленіе, въ другомъ другое, но во всякомъ случаѣ то, что представляетъ исторія одного гогударства, мы можемъ найти въ извѣстной степени и въ исторіи другаго. Гуманизмъ XIV—XVI в. не былъ явленіемъ мѣстно-итальянскимъ; реформація и католическая реакція XVI в. совершались во всѣхъ странахъ Европы; вездѣ въ большей или меньшей мѣрѣ мы видимъ въ XVII в. развитіе абсолютной монархіи, которая въ XVIII в. почти повсюду предпринимаетъ реформы въ духѣ идей опять таки болѣе или менѣе общеевропейскаго просвѣщенія; наконецъ, французская революція была, такъ сказать, сигналомъ для начала аналогичныхъ политическихъ движеній на континентѣ. Эта тѣсная связь между исторіями отдѣльныхъ странъ усиливается въ XIX в., такъ что исторію Европы дѣлается невозможнымъ изучать иначе, какъ если бы Европа была одной страной, раздѣленной только на провинціи. Но въ то же время становится вполнѣ возможнымъ эту общеевропейскую исторію изучать на прошломъ одного государства, именно такого, которое ранѣе и полнѣе другихъ пережило то, что другимъ пришлось пережить послѣ и не въ такой полнотѣ. Многія важныя соображенія должны заставить насъ признать такой страной Францію. Но прежде, нежели я укажу на нихъ, мы

должны коснуться еще экономическихъ отношеній новаго времени.

IX. Экономическія отношенія новаго времени.

До сихъ поръ мы не касались экономическихъ отношеній новаго времени. Безъ разсмотрѣнія ихъ нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, тѣмъ болѣе, что въ событіяхъ исторіи XIX в. экономическимъ отношеніямъ выпало на долю играть весьма важную роль. Двумя главными явленіями этой категоріи въ наше время были отмѣна крѣпостнаго права и развитіе пролетаріата.

Къ числу часто приводимыхъ историческихъ обобщеній относится формула, пріурочивающая существованіе рабства (*esclavage, Sklaverei, Knechtschaft*) къ древности, крѣпостничества (*servage Leibeigenschaft*) къ среднимъ вѣкамъ и вольнонаемнаго труда къ новому времени. Съ большими ограниченіями наука можетъ принять эту формулу: въ средніе вѣка мы видимъ, дѣйствительно, постепенное уничтоженіе римскаго рабства и высшую въ то же время степень развитія крѣпостныхъ отношеній, по которымъ сельское населеніе находилось въ состояніи несвободныхъ фермеровъ. У крестьянина былъ свой клочокъ земли, на коемъ онъ велъ свое хозяйство, но на этой землѣ существовала власть помѣщика, крестьянинъ платилъ ему извѣстный оброкъ земледѣльческими продуктами или деньгами, работалъ на него (такъ называемая барщина) и даже подчинялся его суду. Такова была та сторона, съ которой феодальная система была извѣстна наибольшему числу жителей всякой европейской страны въ средніе вѣка. Съ паденіемъ феодальнаго строя началось постепенное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; оно совершилось медленно и незамѣтно, а также далеко неравномѣрно въ разныхъ странахъ: Англія почти не знала уже крѣпостныхъ при переходѣ въ новое время; во Франціи передъ революціей такъ называемыхъ сервовъ (*serfs*) было сравнительно немного, да и они большею частью могли освободиться, покинувъ свои земли; въ Германіи начало XIX вѣка застало еще существованіе крѣпостнаго права въ полной силѣ, и вообще, чѣмъ

далѣе идемъ мы отъ запада на востокъ, тѣмъ позднѣе встрѣчаемъ крѣпостничество, которое за то тѣмъ быстрѣе и отмѣнялось тамъ въ XIX вѣкѣ. Французская революція, показавшая примѣръ въ этомъ отношеніи, была началомъ отмѣны крѣпостныхъ отношеній въ новѣйшее время.

Говоря теперь только объ уничтоженіи крѣпостничества, насколько оно совершилось до 1879 г., мы должны имѣть въ виду два вопроса: именно разсматривать отдѣльно судьбу личности и судьбу земли. Личность такъ или иначе получала свободу переставала быть въ подневольномъ положеніи. Это только одна сторона дѣла, другая сторона—какъ установлялось отношеніе ея къ землѣ послѣ того, какъ произошло это освобожденіе. Крайнее рѣшеніе вопроса представляетъ Англія: тамъ ранѣе всего, правда, крестьянинъ былъ открѣпленъ отъ земли, но за то сама земля закрѣпилась за немногими крупными землевладѣльцами. За дарованіемъ крестьянамъ юридической свободы слѣдовало превращеніе ихъ въ пролетаріевъ, людей, ничего неимѣющихъ и живущихъ наемнымъ трудомъ. Въ извѣстной, но гораздо меньшей степени это относится и къ остальнымъ европейскимъ странамъ. Въ связи съ указаннымъ процессомъ стоитъ другой, постепенная замѣна мелкаго хозяйства крестьянъ,—собственниковъ или арендаторовъ,—крупнымъ хозяйствомъ, образецъ котораго представляетъ англійская система: здѣсь мы видимъ земледѣльческую массу, состоящую только изъ наемныхъ рабочихъ, занятыхъ въ хозяйствахъ крупныхъ фермеровъ. Въ средніе вѣка этого не было: крѣпостное состояніе было мыслимо лишь при мелкомъ хозяйствѣ самихъ сервовъ. Франція и въ прошломъ вѣкѣ, и теперь стоитъ, такъ сказать, на половинѣ дороги отъ средневѣковой къ теперешней англійской системѣ: въ ней часть крестьянъ обезземелена и находится въ положеніи наемныхъ батраковъ (*manoeuvres*), другая сохранила свои земли въ качествѣ мелкихъ собственниковъ или занимается арендованіемъ небольшихъ участковъ: и тѣ, и другіе — еще самостоятельные хозяева (*laboureurs*).—Такой процессъ сосредоточенія собственности и обработки земли въ немногихъ рукахъ совершался медленно, тѣмъ болѣе, что, освобождая крестьянъ, помѣщики не освобождали земли отъ лежавшихъ на ней повинно-

стей и платежей и такимъ образомъ, не измѣняя долго старой системы хозяйства, продолжали пользоваться тѣмиже доходами, которые получали въ эпоху чисто-крѣпостныхъ отношеній. Напр., во Франціи впродолженіи XVI, XVII и XVIII вв. общимъ правомъ было, что лица свободны, а земли несвободны: каждый мелкій собственникъ долженъ былъ платить какому-либо сеньёру разные феодальные оброки и пошлины съ своей земли. Не смотря на свое полное паденіе подъ ударами новой монархической власти въ политическомъ отношеніи, феодализмъ въ гражданскомъ правѣ оставался въ своей прежней силѣ: существовало, какъ мы видѣли, и крѣпостное право, существовали и другіе виды феодальной зависимости. Королевская власть боролась рѣшительно и дѣятельно съ феодализмомъ только тамъ, гдѣ онъ препятствовалъ свободѣ ея дѣйствій.

Первая мысль о необходимости измѣнить эти отношенія была высказана въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху просвѣщенія и просвѣщеннаго абсолютизма; но мысль была высказана нерѣшительно, и Руссо, напр., совѣтовалъ польскимъ панамъ освобождать крестьянъ съ большою осторожностью, постепенно и только тѣхъ, которые заслужатъ того хорошимъ поведеніемъ; вопросъ о необходимости земельнаго надѣла для крестьянъ едва поднимался въ литературѣ. Что касается до законодательныхъ мѣръ XVIII в., то всѣ онѣ были чисто палліативныя, имѣвшія цѣлью нѣкоторое облегченіе участи крестьянъ и устраненіе вопіющихъ злоупотребленій. Нѣкоторые государи (прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I—1713—1740, Людовикъ XVI) освободили крѣпостныхъ въ своихъ только имѣніяхъ (доменахъ), но чаще всего государи пытались лишь точнѣе опредѣлить отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, перемѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ названіе крѣпостничества (*Leibeigenschaft*) на названіе наслѣдственнаго подданства (*Erbunterthänigkeit*), какъ это случилось въ Пруссіи при Фридрихѣ Вильгельмѣ II (1786—1797), или дѣлая тонкое различіе между крѣпостнымъ состояніемъ и зависимостью (*Hörigkeit*) и т. п., примѣръ чего представляютъ распоряженія Іосифа II въ австрійскихъ земляхъ. Самымъ передовымъ въ этомъ отношеніи было законодательство савойское при Карлѣ Эммануилѣ III, который эдиктами—1762 и 1771 при-

казалъ посредствомъ постепеннаго выкупа прекратить всѣ личныя и поземельныя феодальныя отношенія. Только съ 1789 г., по почину Франціи, начавшей свое внутреннее перерожденіе, *крестьянскій вопросъ* вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Отмѣна крѣпостнаго права въ Европѣ въ XIX в. составляетъ одну изъ важныхъ страницъ новѣйшей исторіи.

Другой важной страницей является развитіе пролетаріата. Разъ открѣпленіе крестьянъ отъ земли сопровождалось закрѣпленіемъ земли за немногими болѣе или менѣе крупными собственниками, разъ мелкіе самостоятельные хозяева отрывались отъ своего хозяйства, естественно и необходимо долженъ былъ возникнуть классъ бездомныхъ и безземельныхъ пролетаріевъ, положеніе которыхъ въ деревнѣ стало дѣлаться почти невозможнымъ. У крестьянъ въ ср. вѣка существовали еще общинныя земли, бывшія большимъ подспорьемъ для бѣдняковъ, которые пасли на нихъ свой скотъ; въ XV, XVI, XVII и XVIII вв. онѣ мало-по-малу отбираются лордами и сеньёрами на основаніи ихъ феодальнаго права. Въ то же время нерѣдко происходило то, что въ Англіи называлось „очисткой имѣній," а въ Пруссіи *Bauernlegen*. Самый поразительный примѣръ такой очистки представляетъ исторія земель графини Сетерландъ: въ ея имѣніи въ 1814 г. жило 15 т. человѣкъ, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ; она нашла болѣе выгоднымъ овцеводство, поселяне должны были выселиться, и въ 1825 г. на земляхъ графини паслась уже 131 тысяча овецъ. Отрываемые отъ хозяйства, отъ общины, отъ земли, крестьяне устремлялись въ города. Что же должно было выйти? А вотъ что. Созданіе свободныхъ рабочихъ рукъ совершалось быстрѣе, нежели накопленіе капитала, который могъ бы дать имъ занятіе: рабочая плата должна была понизиться и многіе оставаться безъ работы. Прежде бывало англійскіе парламенты издавали законы о *maximum*'ѣ рабочей платы, въ концѣ XVIII в. (въ 1796 г. Уайтбридъ) впервые сдѣлано было предложеніе установить для нея *minimum*: конкурренція достигла высшей степени. Это уже одно было крупнымъ переворотомъ, но это не все. Какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ мелкому производству пришлось переживать трудную эпоху: ремесленники уже не одни занимались производствомъ, ибо

изобрѣтеніе машинъ (прядильной Аркрайтомъ въ 1770 г., паровой Уаттомъ и др.) и появленіе на рынкѣ массы свободныхъ рукъ создаютъ большія фабрики, съ которыми мелкому ремесленнику бороться стало не подъ силу. Мало того: протекціонная система (меркантилизмъ, кольбертизмъ) именно въ томъ и состояла, чтобы государство всячески покровительствовало крупной промышленности. За большія фабрики стояла и экономическая школа Ад. Смита (*), какъ французскіе физіократы проповѣдовали фермерскую обработку земли наемными рабочими. Въ XIX в. результаты введенія машинъ и чрезмѣрнаго роста пролетаріата высказались вполнѣ въ усиленіи пауперизма, и рядомъ съ крестьянскимъ вопросомъ явился еще вопросъ рабочій.

Въ экономическихъ воззрѣніяхъ также совершался переворотъ. Физіократы и экономисты школы Ад. Смита проповѣдовали свободу труда и невмѣшательство государства въ экономическія отношенія. Съ точки зрѣнія формулы *laissez passer, laissez faire* они должны были быть и противъ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ на рабочихъ цехами и корпораціями. Это было проповѣдью индивидуализма въ хозяйственной жизни, и подъ ея вліяніемъ въ эпоху французской революціи началось разрушеніе цеховаго устройства ремесленниковъ. — Цехи возникли еще въ ср. вв. изъ соединенія ремесленниковъ одного ремесла; съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе принимали замкнутый характеръ, ограничивая число своихъ членовъ, и всѣ болѣе и болѣе дѣлались привилегированными корпораціями, часто покупая исключительное право на какое-либо ремесло въ извѣстной мѣстности. Попасть въ цехъ было трудно до нельзя: во Франціи у мастера могъ быть только одинъ ученикъ, который при поступленіи платилъ иногда одной пошлины 500 ливровъ и 7 лѣтъ находился въ кабалѣ у мастера, чтобы потомъ 14 лѣтъ быть подмастерьемъ и добиться званія мастера только послѣ экзамена изъ ремесла или взноса денегъ, причемъ дѣти мастеровъ имѣли преимущество передъ посторонними. Но въ цехахъ была

(*) Главное его соч. „о богатствѣ народовъ“ вышло въ 1776 г.

и хорошая сторона: въ основѣ ихъ лежала все-таки ассоціація, сотрудничество рабочихъ, и цеховой мастеръ не могъ превратиться въ капиталиста: число учениковъ было ограничено, онъ могъ заниматься только одною отраслью промышленности, покупка труда была для него невозможна. Такъ цехи ограждали мелкое производство. Когда революція отмѣнила цехи и даже запретила всякія ассоціаціи рабочихъ, какъ „противныя и вредныя естественной свободѣ человѣка", каждый мастеръ могъ превратиться въ капиталиста, и рабочій былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, не имѣя никакой связующей его съ другими рабочими организаціи, которая подобно цеху оказывала бы ему поддержку и помощь. Большинству прежнихъ мастеровъ грозило, конечно, превращеніе въ наемныхъ рабочихъ.

Представивъ вкратцѣ общій характеръ и связь соціальныхъ явленій новаго времени, мы можемъ отмѣтить два главные пункта: первымъ является принципъ *юридической свободы*, ибо на очереди поставленъ былъ вопросъ о свободѣ труда, о равноправности, о принадлежности человѣка самому себѣ: крестьянскій вопросъ сводился къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, рабочій— къ отмѣнѣ ремесленной кабалы цеха; вторымъ пунктомъ является *переворотъ экономическій*, одинаковый для деревни и для города, переходъ мелкаго хозяйства въ крупное: крестьянинъ уступаетъ мѣсто фермеру, ремесленникъ— фабриканту, причемъ и земледѣлецъ, и мастеровой превращаются въ наемныхъ рабочихъ. Трудъ разлучается съ орудіями производства, т. е. земля не принадлежитъ земледѣльцу, инструменты не принадлежатъ мастеру. Но въ пролетаріатѣ, недовольномъ своей судьбой и стремящемся къ перемѣнѣ своего положенія на лучшее, выростаетъ новая сила, съ которой пришлось считаться общественной исторіи новѣйшаго времени. Аналогическія явленія въ этомъ отношеніи представляетъ исторія всѣхъ западноевропейскихъ странъ въ XIX вѣкѣ.

Таковъ былъ ходъ новой исторіи для низшихъ классовъ общества. Переворотъ нами указанный, сопровождался другимъ, касавшимся верхнихъ слоевъ общества. Въ средніе вѣка основой соціальнаго могущества было землевладѣніе: у кого была

земля, тотъ былъ свободенъ, у кого было много земли, тотъ былъ силенъ. Отсюда преобладаніе поземельной аристократіи. Съ теченіемъ времени выработалась другая основа соціальнаго могущества—капиталъ, сосредоточившійся въ рукахъ богатыхъ горожанъ, буржуазіи, вслѣдствіе чего самое слово *буржуазія* получила мало-по-малу значеніе особаго экономическаго класса: какъ существованіе крѣпостныхъ предполагаетъ существованіе поземельной аристократіи, такъ пролетаріатъ немыслимъ безъ буржуазіи. Этотъ послѣдній классъ, достигши могущества въ обществѣ и государствѣ, сталъ стремиться къ тому, чтобы его политическія права соотвѣтствовали его дѣйствительному значенію въ обществѣ, и чтобы привилегіи родовой поземельной аристократіи были уничтожены. Буржуазія, словомъ, подняла знамя либерализма и демократіи, но такъ какъ она явилась впослѣдствіи новой аристократіей надъ народомъ, то и противъ нея же самой, какъ *третьяго сословія* (*), въ XIX в. выступило четвертое сословіе рабочаго пролетаріата, къ коему сама же буржуазія обращалась съ проповѣдью демократіи во время своей борьбы съ феодальной аристократіей. Французская исторія съ 1789 г. лучше исторіи другихъ странъ Европы иллюстрируетъ эти отношенія экономическихъ классовъ новаго общества. Пока, впрочемъ, намъ важно только знать, что „новыя идеи," о коихъ шла рѣчь въ предъидущихъ двухъ очеркахъ, были въ ходу главнымъ образомъ среди третьяго сословія, стремившагося освободиться отъ опеки привилегированныхъ классовъ и королевскаго правительства и стать на ихъ мѣсто въ дѣлѣ управленія государствомъ. Поэтому французская революція должна быть разсматриваема и какъ выступленіе на историческое поприще новой общественной силы—буржуазіи, сознавшей свое значеніе и пожелавшей изъ того *ничто*, чѣмъ она была, сдѣлаться *всѣмъ*. Но тутъ же и народъ выступилъ противъ буржуазіи.—Наконецъ, экономическое раздѣленіе общества въ чисто политической исто-

---

(*) Третіе сословіе, tiers état (т. е. tertitus status)—такъ первоначально обозначались на генеральныхъ штатахъ Франціи депутаты городовъ (посадскіе и деревень), но въ извѣстномъ смыслѣ третье сословіе есть синонимъ буржуазіи.

ріи XIX в. обнаружилось либо тѣмъ, что народъ не оказывалъ иногда поддержки либеральной интеллигенціи въ ея стремленіи къ политической свободѣ, либо тѣмъ, что сама буржуазія отказывалась отъ этой свободы въ пользу сильной власти, которая могла бы охранить ее отъ враждебныхъ противъ нея замысловъ народа.

X. Особенная важность новѣйшей исторіи Франціи.

Для занимающагося западно-европейской исторіей Франція должна имѣть особенный интересъ вслѣдствіе того, что французы всегда были, такъ сказать, передовымъ народомъ Европы. Къ концу первой половины среднихъ вѣковъ здѣсь изъ романскихъ и германскихъ элементовъ сложилось могущественное государство, которое при Карлѣ Великомъ стояло во главѣ всей западной Европы; здѣсь рано произошла феодализація, рано началось движеніе въ городахъ, рано возникла блестящая свѣтская цивилизація (XII—XIII вв. на югѣ), рано начался протестъ противъ средневѣковыхъ формъ быта. Въ новой исторіи Франція является продолжательницею Италіи въ дѣлѣ возрожденія, а съ XVII вѣка ея языкъ, ея культура дѣлаются образцовыми и модными во всей Европѣ, чтобы господствовать почти безраздѣльно въ XVIII в., когда эта выдающаяся роль Франціи дѣлается еще замѣтнѣе: Европа находилась подъ вліяніемъ идей „философіи XVIII в.“ Ея принципы касались всѣхъ сторонъ общественной жизни: французскіе публицисты XVIII в. затрогивали такую массу вопросовъ и разрѣшали ихъ въ столь разнообразныхъ смыслахъ, что нѣтъ въ XIX вѣкѣ ни одного общественнаго направленія, которое не имѣло бы предшественниковъ во французской литературѣ XVIII в.

Насталъ 1789 годъ. Быстро пошли событія одно за другимъ. Европа не успѣвала слѣдить за тѣмъ, что совершалось во Франціи. Съ 1792 г. Франція, сначала конституціонная, потомъ республиканская (съ 1792 г.), наконецъ императорская (съ 1804 г.) находилась въ постоянной борьбѣ со всѣми европейскими странами попеременно: немало земель присоединили фран-

цузы къ своимъ владѣніямъ, установивъ въ пріобрѣтенныхъ областяхъ новые порядки; немало перемѣнъ произвели они въ тѣхъ государствахъ, которыя были побѣждены въ борьбѣ съ ними; вся карта Европы была передѣлана до неузнаваемости въ промежутокъ времени между началомъ революціонныхъ войнъ (1792) и паденіемъ Наполеона I (1814), но перемѣны эти касались и самаго строя государственной и общественной жизни въ европейскихъ странахъ. Съ другой стороны, уже начало революціонной бури произвело переворотъ во внутренней политикѣ всѣхъ европейскихъ правительствъ: реформаторская дѣятельность государей и министровъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма прекратилась, и консервативныя тенденціи начали получать перевѣсъ во внутренней жизни европейскихъ обществъ. Отсюда происхожденіе коалицій противъ революціонной Франціи, которыя скоро перешли въ коалиціи противъ завоевательныхъ плановъ Наполеона. Возстали, наконецъ, противъ наполеоновскаго деспотизма и народы Европы: во всѣхъ почти государствахъ началось сильное патріотическое движеніе, которое было весьма часто соединено съ стремленіемъ къ внутреннимъ реформамъ такого рода, что на нихъ нельзя не видѣть вліянія французскихъ же идей вѣка. Такимъ образомъ, преобладающая роль Франціи въ европейской исторіи за четверть вѣка, протекшую отъ начала революціи до реставраціи Бурбоновъ (1789—1815), не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Франція давала тонъ Европѣ, Франція будила народы и приводила ихъ къ самосознанію.

Паденіе имперіи было паденіемъ и политическаго могущества Франціи. Это было и началомъ сильнѣйшей реакціи противъ всѣхъ традицій XVIII в. Во главѣ этой реакціи стояла не Франція, хотя и въ ней возвратившіеся Бурбоны и эмигранты хлопотали о возстановленіи стараго общества съ преобладаніемъ духовенства и аристократіи. Однако если господство надъ Европой принадлежало не Франціи, въ ней одной изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ особенно сильно двигалась общественная жизнь и возникали новыя теченія. До какой степени сильны были прогрессивные инстинкты французскаго общества въ періодъ реставраціи Бурбоновъ (1815—1830), можно видѣть изъ сравне-

нія судьбы французскаго и нѣмецкаго романтизма. Происхожденіе обоихъ было почти одинаковое: это была реакція противъ космополитическаго и искусственнаго ложноклассицизма прошлаго вѣка, реакція въ духѣ возвращенія къ національнымъ традиціямъ и къ большей свободѣ формы и вмѣстѣ съ тѣмъ реакція чувства и фантазіи противъ сухаго раціонализма XVIII вѣка; поэтому романтизмъ явился подновленіемъ среднихъ вѣковъ, и политической реакціи было весьма легко овладѣть имъ, что́ и случилось въ Германіи, тогда какъ во Франціи, наоборотъ, романтизмъ къ концу реставраціоннаго періода началъ служить стремленіямъ прогрессивной части общества. Вмѣстѣ съ этимъ моральное вліяніе Франціи на Европу не прекратилось, и лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что іюльская революція, низвергшая тронъ Бурбоновъ (1830), вызвала рядъ политическихъ потрясеній почти на всемъ западѣ Европы. Даже Англія не избѣгла общей участи, ибо совершившаяся въ ней парламентская реформа (1832) была отчасти вызвана политическимъ броженіемъ, послѣдовавшимъ въ странѣ за іюльской революціей. Еще въ большей степени относится это къ февральской революціи (1848), низвергшей іюльскую монархію: она была сигналомъ для начала новыхъ народныхъ движеній, потрясшихъ континентальную Европу. Такимъ образомъ политическія перемѣны во Франціи отмѣчаютъ собою начала новыхъ періодовъ въ исторіи всей Европы, что должно указывать на несомнѣнно важную роль этой страны въ общеевропейской исторіи.

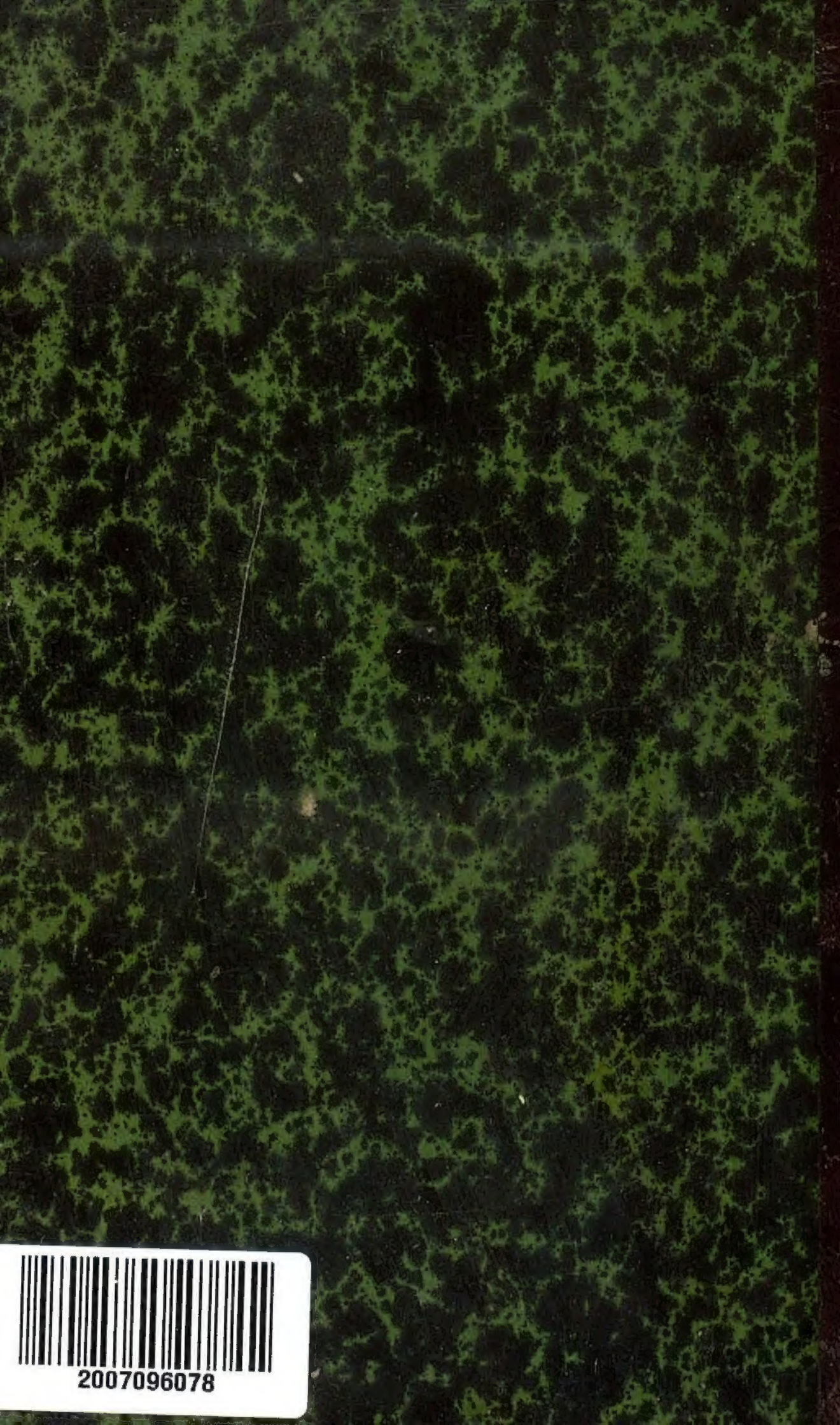
Французская исторія въ XIX вѣкѣ имѣетъ еще одно преимущество: это—ея сравнительная простота. Кого интересуетъ внутренняя исторія общества въ новѣйшее время, тотъ долженъ остановить свой выборъ на изученіи общества французскаго, ибо здѣсь вопросы политики внутренней не осложнялись до такой степени, какъ въ другихъ государствахъ континентальнаго Запада. Вопервыхъ, Франція была и осталась государствомъ единымъ, и потому въ ней не могло и возникнуть того вопроса о государственномъ объединеніи, который игралъ столь важную роль въ исторіи Италіи и Германіи и до такой степени отвлекалъ общественныя силы этихъ странъ отъ рѣшенія задачи о вну-

треннемъ устроеніи государства. Во вторыхъ, не могло возникнуть во Франціи и вопроса національнаго, подобнаго тому, который тревожилъ и тревожитъ доселѣ разноязычную Австрію: Франція давно представляетъ изъ себя одно цѣлое въ національномъ отношеніи, и ниодна сколько-нибудь значительная часть населяющаго ее племени не находилась подъ властью чуждой національности. Вопросы внутренней политики не осложнялись здѣсь такимъ образомъ и вопросомъ національнымъ. Втретьихъ, ни въ одной странѣ Европы не осталось такъ мало средневѣковаго, какъ во Франціи, и нигдѣ поэтому, съ одной стороны, общество не является столь однороднымъ, какъ именно здѣсь, и нигдѣ, съ другой, не было уже порѣшено столько общественныхъ вопросовъ, какъ опять-таки здѣсь: французское общество послѣ переворота 1789 г. вполнѣ новое, безсословное и свободное общество; остальная Европа сохраняла еще привилегіи отдѣльныхъ классовъ и даже крѣпостное состояніе крестьянъ въ то самое время, какъ во Франціи существовало уже полное равенство всѣхъ передъ закономъ. И съ этой стороны въ исторіи Франціи мы не видимъ того осложненія внутренней жизни, которое должно явиться необходимо тамъ, гдѣ существуютъ еще средневѣковыя сословныя перегородки и остатки чисто феодальныхъ отношеній. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ французскую исторію въ высшей степени простою и ясною, не смотря на все безчисленное множество политическихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ странѣ въ теченіи новѣйшаго времени, и съ тѣмъ большею рѣзкостью выступаютъ здѣсь контуры общества XIX вѣка съ его чисто экономическими классами и экономической борьбой. Изученіе исторіи взаимныхъ отношеній государства и экономическаго общества не осложнено тутъ вопросами о государственномъ единствѣ, о національности, о юридическихъ привилегіяхъ и т. д. Вотъ почему во Франціи пришлось рѣшать многіе общественные вопросы ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, и историкъ долженъ впервые на Франціи знакомиться со многими явленіями общеевропейской исторіи новѣйшаго времени.

Обращаясь къ другимъ странамъ европейскаго Запада, мы можемъ сказать, что въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка,

исторія ихъ, кромѣ Англіи и Германіи (включая сюда постаромy и Австрію), имѣетъ мѣстное, такъ сказать, провинціальное значеніе, Англія же и Германія столь самостоятельно и столь своеобразно развили свою культуру, и столь многое изъ нея сдѣлалось достояніемъ общечеловѣческимъ, что общая исторія Европы въ новѣйшее время немыслима безъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и ихъ жизни за этотъ періодъ.

КОНЕЦЪ.


2007096078